

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии
Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., проф. Артоболевский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Герма-
ния); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); д.г.н.,
проф. Лаппо Г.М. (Москва); д.г.н., проф. Мироненко
Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Пирожник И.И. (Беларусь);
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф.
Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф. Вардом-
ский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Воробьева О.Д.
(Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.г.н.,
проф. Кочуров Б.И. (Москва); д.г.н., доц. Мажар Л.Ю.
(Смоленск); д.г.н., доц. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.э.н.
проф. Регент Т.М. (Москва); д.г.н., проф. Родионова
И.А. (Москва); д.г.н., проф. Рудский В.В. (Смоленск);
д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н., проф.
Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д.
(Пермь); проф. М. Фрюауф (Германия)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 11.12.09 г.

Формат 70x108/16. Гарнитура «Times»

Тираж 300 экз.

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в мае 2002 года

Выходит 6 раз в год

№ 6 (26), 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	3
Шабалина С.А., Краснов Е.В. Пространственный анализ туристско-рекреационной сферы	3
S.A. Shabalina, Krasnov E.V. Spatial analysis of tourist and recreation areas	3
Скалон А.В. Малый город: SWOT-анализ проблемного поля	9
Skalon A.V. Small Town: SWOT-analysis of the problem field	9
Мавринчук Д.Н. Информационно-геополитическое противостояние США и России во время грузино-югоосетинского конфликта	19
Mavrinchuk D.N. Information-geopolitical confrontation between the U.S. and Russia during the Georgian-South Ossetian conflict	19
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	24
Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Россия как система высокоэффективного сбалансированного природопользования в условиях финансового кризиса	24
Kochurov B.I., Lobkovsky V.A., Smirnov A.Y. Russia as a system of high-vironmental in the financial crisis	24
Гумениук И.С. Транспортный комплекс Калининградской области: состояние и перспективы	29
Humeniuk I.S. The transport complex of the Kaliningrad region: status and prospects	29
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА.....	33
Пилецкий И.В. Проблемы сельскохозяйственного использования культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского поозерья	33
Piletsky I.V. Problems of agricultural use cultural landscapes of village associations Byelorussian poozeriya	33
Ковалев Ю.Ю. Инновационные регионы Европы.....	45
Kovalev Y.Y. Innovative regions in Europe	45
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА.....	55
Пирожник И.И., Озем Г.З., Шадраков А.В., Шавель А.Н. Хрущев С.А., Морачевская К.А. Экономико-географические факторы трансграничного сотрудничества Беларуси и России.....	55
Pirozhnik I.I., Ozem G.Z., Shadrakov A.V., Shavel A.N., Hrushev S.A., Morachevskaya K.A. Economic-geographical factors of transborder cooperation between Belarus and Russia	55
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	62
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2009 ГОДУ	64
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	66

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.А. Шабалина (г. Казань)
Е.В. Краснов (г. Калининград)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СФЕРЫ

S.A. Shabalina, E.V. Krasnov

SPATIAL ANALYSIS OF TOURIST AND RECREATION AREAS

Аннотация. Теоретическое понятие «рекреационная система» – в современных условиях претерпевает эволюцию. Исследование пространственно-территориальных аспектов позволяет подойти к рациональной организации туристско-рекреационной сферы на региональном уровне.

Abstract. The modern evolution of «recreational system» as theoretical conception are discussed. Comparison of spatial and territorial approaches is also presented and allows to make some recommendations for rational organization regional tourist and recreational sphere (including city image, centre-periphery possibilities etc.).

Ключевые слова: рекреационная система, рекреационное пространство, территория, центр-периферия, образ города.

Key words: recreational system, recreational spatial, territory, centre-periphery possibilities, city image.

Пространственный анализ в географии тесно связан с изучением соответствующих структур и применением совокупности аналитических методов [1, 8]. При этом подразумевается, что понятие «территория» отличается от понятия «пространство» своей двухмерностью, привязанностью к координатной сети – это географический объект особого рода, который характеризуется плоскостной упорядоченностью объектов, их плотностью, дисперсией и прочими свойствами [2], тогда как пространство объемно и в земных условиях сферично. Выступая собственно ресурсом и носителем различных ресурсов, территория и пространство имеют социально-экономическую составляющую, территория объединяя две главные сферы жизнедеятельности людей – производственную и бытовую. Их взаимодействие исторически развивается и изменения в одной неизбежно приводят к изменениям в другой.

Подчеркнем (вслед за Ф.Н. Мильковым) особое значение ландшафтной и экологической сфер как базовой основы для других сфер деятельности, включая техносферу. По мере развития производительных сил общества,

превращение природных ландшафтов и экосистем в антропогенные стало все более заметным. Выделенные в работах Г.А. Исаченко [3], Ю.А. Веденина [4], Ф.Н. Милькова [5, 6] и др. авторов различные по названию, но единые функционально рекреационные и культурные типы антропогенных ландшафтов, указывают на их связь с природной составляющей. Логично представить, что формирующаяся туристско-рекреационная сфера (ТРС) представляет собой систему взаимодействий между ландшафтной, производственной и социальной сферами (рис. 1).

Пространственный анализ опирается на комплексные методы исследования. Выявление связей и анализ территориальной структуры невозможны без критического анализа ранее сформированной теоретической базы. Выработка методологии синтезирующей подходы, принципы и методы определили подход данного исследования для выявления пространственной организации ТРС.

Пространственный подход учитывает особенности размещения населения, объектов инфраструктуры, транспорта, производительных

Рис. 1. Система взаимодействия (I – ландшафтной, II – материальной и III – непроизводственной) сфер жизнедеятельности общества, определяющих местоположение ТРС

сил в пространственной организации регионального развития ТРС. Его использование для выявления пространственной дифференциации одновременно с типологическим позволяет устанавливать закономерности функционирования, характер размещения и перспективы развития туристско-рекреационных районов. К традиционным методам относят: сравнительно-географический, описательный и картографический, которые отражают территориальную структуру и процессы. Прикладной характер исследований требует опоры на совокупность методов, эффективность которых определяется умелым подбором как традиционных, так и новых, учитывающих региональную специфику. Как показали Ю.Г. Пузаченко, А.М. Трофимов и др. успех региональных исследований во многом определяется квалифицированной статистико-математической обработкой данных [7,8].

С середины XX в. получили развитие исследования, связанные с пространством, поляризацией, расстоянием. Более ранние идеи и теории Тюнена, Кристаллера, Лёша [9, 10, 11],

работы «пространственных» и «региональных» экономистов – Перру, Будвиль, Изард [12, 13], исследования «новой» географии привели к созданию нового знания о гуманизированной поверхности. Значительное место в этом познании отводится геоситуационному подходу [14, 15]. Концепция пространственной организации ввела в обиход особую модель географического анализа, основанную на совокупности понятий: сеть (каркас) – иерархия (управление) – разделение (центр и периферия) – расстояние. Именно эта модель организации территории стала базисной в географии в последние 20–30 лет [16]. Работы вышеупомянутых авторов позволили представить понятийно-концептуальный каркас туристско-рекреационной сферы.

Теория Тюнена и ее авторская модификация первоначально были более приложимы к анализу размещения сельского хозяйства. Однако, в дальнейшем множество изменений в исходную модель появилось на всех уровнях пространственной иерархии. Тем не менее, основные положения и дедуктивные методы теории

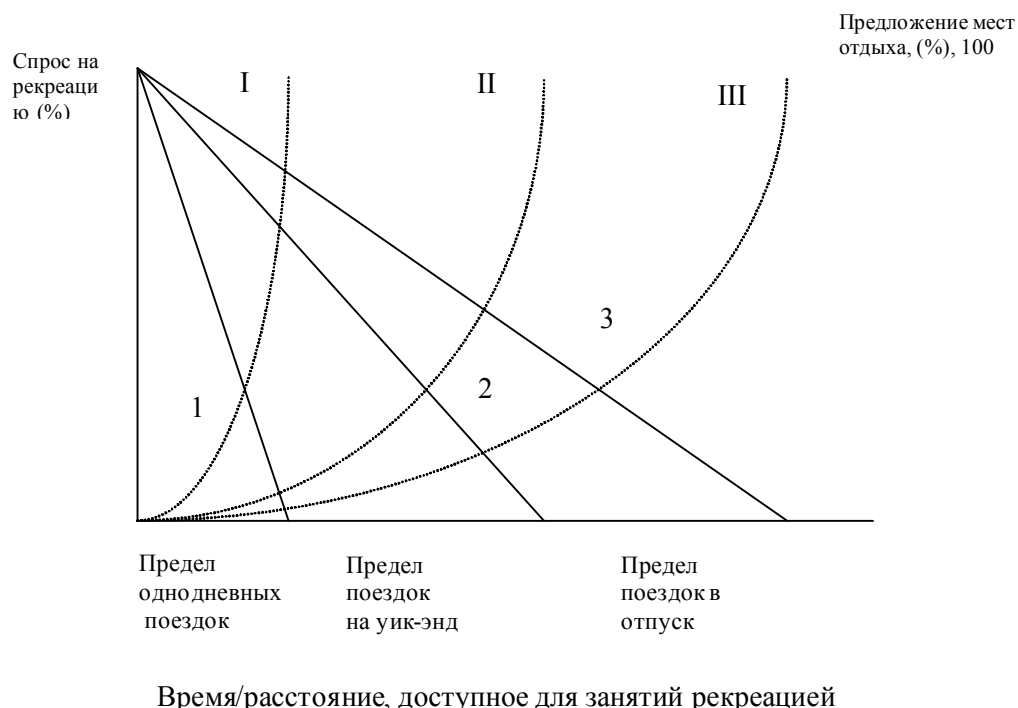

Рис. 2. Полидестинационная модель поездок и соответствующих им туристских центров [18]

позволяют успешно применять ее в различных видах человеческой деятельности, в частности, туристско-рекреационной. Метод рекреационного зонирования по показателю транспортной доступности и функциональности приобрел универсальное и признанное значение.

Идейную близость к теории Тюнена содержат методологические предпосылки теории штандорта А. Вебера. Исследования размещения центров потребления продукции и анализ трудовых ресурсов позволили применить ее для выявления ведущих факторов размещения туристско-рекреационного хозяйства. Из региональных факторов, определенных Вебером, наибольшее значение приобретают – транспортный и трудовой [17]. Под их влиянием складывается сеть узлов, размеры которых определяются агломерационными процессами.

Концентрация населения в городах и современный процесс урбанизации побудили многих обратиться к одной из самых дедуктивных географий – теории центральных мест В. Кристаллера и А. Лёша. Проявления пространственной иерархии в организации сферы обслужи-

вания дают возможность проследить ее в организации ТРС. Для расчетов показателя центральности Кристаллер отобрал единственный репрезентативный – число междугородних переговоров, что позволило выделить уровни иерархии в реальной системе расселения Южной Германии. Продолжая и развивая эти идеи Ж.О.Ж. Лундгрена [18] создал концептуальную модель туристского дестинационного пространства. Выделенные им признаки – географическое положение, открытость, аттрактивность, уровень развития инфраструктуры – позволили разработать типологию центров рекреационной деятельности (ЦРД) и их соподчиненность. Кроме временного фактора и удовлетворенности от поездки, частота посещений зависит от наличия взаимозамещающих ее мест отдыха «Конусы посещений», изображенные в виде концентрических кругов, имеют общий центр – города соответствуют зонам однодневных, выходных и отпускных поездок (рис. 2).

Последующая модификация теории центральных мест А. Лёшем с выявлением зон и иерархий позволяет использовать ее практически

во всех отраслях хозяйства. Построения Лёша отличаются тем, что набор предприятий в сфере услуг в более крупном центре вовсе не обязательно включает все те виды, которые встречаются в соподчиненных центрах одного размера более низкого ранга. Таким образом, система оказывается более гибкой. Несмотря на известную абстрактность, главная заслуга авторов этой теории, по мнению Ю.Г. Саушкина [10], заключается в попытке сформулировать закон взаимного пространственного размещения. Этим был открыт путь к исследованию территориальных систем населения и непроизводственной сферы.

В отечественной науке наиболее интересная интерпретация теории Кристаллера-Лёша представлена в работах Б.Б. Родомана и С.А. Тархова [19, 20]. Основываясь на представлении о естественности иерархического устройства систем, они осуществили попытку построения модели их оптимальной организации. Принимая во внимание, что теория центральных мест оперирует исключительно морфологическими свойствами систем, к которым, в первую очередь, относятся система расселения и совокупность коммуникаций, связывающая поселения системы в единое целое, необходимо определить формальные рамки этой теории. Первый принцип - изотропность пространства. Только однородность распространяется на все виды ресурсов, за исключением городского населения. Вторым выступает принцип стремления к оптимизации внутрисетевой структуры, сформулированный Б.Б. Родоманом [19].

Очевидно, что изучение реальных пространственных структуры порождаемых ими процессов, связано с изучением структурных особенностей пространства, в котором они функционируют и развиваются. Пространственный аспект становится неотъемлемой частью любого исследования, в нашем случае изучения ТРС. Комплексность отчетливо отражается в географическом пространстве и ведет к образованию особых территориальных сочетаний. Институциональную модернизацию российской экономики связывают с естественно-историческим процессом концентрации и рассеивания, доминирующим в пространстве – времени [21]. В географическом пространстве формируются и существуют «точки», притягивающие к себе потоки вещества, энергии и информации. Это – аттракторы, служащие в дальнейшем центрами формирования новых пространственно-вре-

менных структур. Это – будущее «центры», остальная часть пространства приобретает маргинальную структуру. Именно этот процесс привел в конечном счете к моделированию центр-периферической концентрации. Предложенная Ф. Броделем [22], впоследствии доработанная И. Валлерстайном [23] и отечественными исследователями Ю.Г. Липецом, В.А. Пуляркиными С.Б. Шлихтером [24], концепция «центр» – «периферия» прилагается к пространственным образованиям самого различного уровня – от города до мирового хозяйства в целом.

Пространственная организация ТРС согласуется с секторно-концентрическим строением социально-экономических систем, с природной дифференциацией с ландшафтной контрастностью [25, 26]. Кроме того свойством любой системы и, в частности ТРС, является иерархичность. Однако, самое сложное – адекватное отображение, построение, определение элементарного состава (объектов) с их топологической привязкой и связей между ними [27]. В современных условиях социально-экономического развития России существование ТРС возможно лишь в границах регионов. Поэтому возникает необходимость модернизации структуры ТРС, предложенной ранее В.С. Преображенским [28], путем выявления территориально-функциональных черт для каждого иерархического элемента ТРС.

Так, региональная сеть рекреационных центров формируется на базе двух основных факторов: географически распределенной неоднородности – природно-рекреационного потенциала (ПРП) и локальных неоднородностей – социо-историко-культурных центров рекреационной деятельности (ЦРД). Последние представляют собою широко известные в теории сетевого планирования «центральные места», в которых и осуществляется рекреационная деятельность. Два момента заставляют обращаться к модели пространственного развития рекреации. Во-первых, сеть ЦРД формирует пространство, которое тесно связано с определенными местами, т.к. увязывает эти места по характеру интенсивности их взаимодействия. Во-вторых, сетевой характер взаимодействия важен не только для выявления экономических, но также «политических, культурных, социальных» и иных взаимосвязей [29].

П. Тейлор [30] также считает такую модель действенной, показывая, что узлы – это, собственно, «центры», а связи – есть не что иное,

как социальные отношения. И ещё он подчеркнул, что эта система хоть и находится в состоянии «слабой конкуренции», но при условии «кооперативного» взаимодействия между ее основными акторами может развиваться достаточно энергично.

Исследуя эти идеи и положения, характер распределения ЦРД и функциональные связи их между собой можно описать методом «двухъярусного» (двухступенчатого) районирования, где нижним фундаментом выступает интегральная картина распределения величин ПРП, полученная на основе ОТЕ выбранного ранга. Принципиальным отличием собственно процесса районирования является то обстоятельство, что при объединении исходных единиц в группу (ядро) основным становится принцип наличия общей границы между этими единицами. В этом случае можно выделить ядро района типа комплекса (например ТПК, ПТК и т.п.), в случае же сетевого анализа этот принцип роли не играет, и поэтому в результате может быть выделено объединение сходных единиц типа кластера. ЦРД наносятся на эту обстановку в качестве функциональных центров, взаимоотношения между которыми как раз и составляют второй уровень (слой) районирования. Выстроив логический ряд сеть (каркас) – иерархия (управление) – разделение – центр и периферия – расстояние удалось получить двуслойную карту рекреационной деятельности в условиях Татарстана, на которой дифференцированные сочетания условий и ресурсов образуют своеобразный каркас. В зависимости от интегральных значений выстраивается иерархическая соподчиненность, которую стало возможно представить с учётом значимости и удаленности в системе центр-периферических отношений. Современные реалии и, в частности, возрастание степени открытости общества приводят переосмыслению и к новым оценкам ведущих факторов территориальных структур. Кардинальные изменения претерпевают традиционные и появляются новые районообразующие детерминанты – инфраструктурный, институциональный, экологический, поведенческий и др.

Социально-экономическая ситуация в регионе, развитие рекреации и туризма в нем тесно связаны между собой. Регион выступает средой, в которой разворачивается рекреационная деятельность, а социально-экономические условия определяют процессы формирования этой сферы. Эффективность ее развития

во многом зависит от материально-технической базы, её соответствия международным стандартам и требованиям.

Безусловно, развитие региональной ТРС имеет комплексный характер, который включает процессы пропорциональной направленности между хозяйственными и социальными элементами, повышения эффективности использования рекреационных ресурсов и более полного удовлетворения социальных потребностей населения. Основными генераторами и приемниками туристских потоков выступают социально-экономические развитые центры с высокой долей объектов инфраструктуры. Периферийные районы, как правило, отличаются затрудненной транспортной доступностью и практически отсутствием комфортных средств размещения.

Детальное изучение ТРС позволяет подойти к их рациональной организации. По их взаимному расположению возможно выделять целостные сочетания элементов природного, культурного, социального, экономического характера – туристско-рекреационные районы. Любая система, как известно, характеризуется внутренней иерархией, т.е. ступенчатостью и соподчиненностью, в основе которой лежит пространственная дифференциация, обусловленная природой и людьми [31]. Порядок соподчиненности рекреационных центров устанавливается правилом Кристаллера-Лёша.

В настоящее время города – процессы, происходящие в нём, настолько сложны и противоречивы, что не могут быть изучены и объяснены с использованием только какого-либо одного научного подхода. Представляя город, с одной стороны, социальной структурой мы используем системный подход, с другой стороны, это – объективно существующая реальность, для которой важнее пространственный аспект. В результате совместной интерпретации получается более объективная картина реальности. В нашем случае город – объект возможной туристско-рекреационной деятельности, изучение его возможно представить в виде модели, в которой городская среда предстает в виде схемы «каркас-ткань» А.Э. Гутнова [32] и «поляризованного ландшафта» Б.Б. Родомана.

Структура рекреационного пространства городской среды формируется из исторического ядра, одного или нескольких радиусов и нескольких локальных ядер, соответствующих административным центрам городов, либо ту-

ристским объектам. Так, исторический центр города – главный элемент структуры рекреационного пространства, становится своеобразным фокусом, по периферии которого располагаются локальные центры рекреационной инфраструктуры. Они могут быть различны по своим размерам, набору объектов и значению в рекреационной среде. По своему значению они явно выделяются среди других и могут выступать дополняющими центрами второго порядка, либо иметь исключительно локальное значение.

Ценность городского туристского центра напрямую зависит от его транспортной доступности. Анализ ее целесообразно проводить по существующему рисунку транспортной сети с учетом ИТД относительно регионального центра.

Для определения функциональных типов городов необходимы более детальное знакомство и классификация туристских и рекреационных объектов по выполняемым ими функциям. Существование континуальной связи между числом жителей населенного пункта и разнообразием его функций – давно устоявшееся положение [12]. Коэффициент корреляции позволяет определить тесноту связи между разнообразием оказываемых услуг, количеством функций и людностью городов. На основании этого определяется ранг значимости города и его место в иерархии пространственных отношений ТРС РТ. Любой город, как правило, предстаёт, в виде множества разнородных по генезису, содержанию и структуре географических образов, формируемых как соци-

альными и профессиональными группами, так и отдельными личностями в процессе их целенаправленной деятельности. Географический образ города – система упорядоченных взаимосвязанных представлений о пространстве и пространственных структурах, а также система знаков и символов, наиболее ярко и информативно и характеризующих этот образ [33].

Города и прилегающие к ним местности выступают локальными образованиями, где сочетание различных функций приводит к синергетическому эффекту. Существование процесса производства и потребления туристских услуг позволяет применить концепцию кластеризации. Однако, только ещё формирующаяся кооперация не позволяет в полной мере употреблять данное понятие. Утверждать существование скрытых кластеров на базе уникальных ресурсов, в границах муниципальных образований – городов или районов преждевременно. Выступая своеобразными «точками роста» в социально-экономическом пространстве региона, они находятся в пределах более сложного образования – туристско-рекреационной сферы.

Применяя пространственно-сетевой анализ для разработки механизма реализации эффективных условий функционирования ТРС удастся выделять туристско-рекреационные центры различной функциональной направленности, а для создания единого регионального экскурсионно-рекреационного поля – находить способы более равномерного развития туристской инфраструктуры региона [34].

Библиографический список

1. Географический энциклопедический словарь: понятия и термины / Под ред. А.Ф. Трешникова. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 431 с.
2. Машбиц Я. Г. Основы страноведения / Я.Г. Машбиц. – М.: Просвещение, 1999. – 268 с.
3. Исаченко А.Г. Оптимизация природной среды (географический аспект) / А.Г. Исаченко. – М.: Мысль, 1980. – 284 с.
4. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства / Ю.А.Веденин. – СПб.: Д.Буланин, 1997. – 212 с.
5. Мильков Ф.Н. Ландшафтная сфера земли / Ф.Н.Мильков. – М.: Мысль, 1970. – 204 с.
6. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафт: очерки антропогенного ландшафтоведения / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль. 1973. – 224 с.
7. Пузаченко Ю. Г. Математические методы в экологических и географических исследованиях / Ю. Г. Пузаченко. – М.: Academia, 2004. – 407.
8. Трофимов А.М. Пространственный анализ / под ред. А.М.Трофимова, Е.М.Пудовик. – Казань: Новое знание, 2000. – 116 с.
9. Тюнен фон И.-Г. Изолированное государство. – М., 1926.
10. Саушкин Ю.Г. Избранные труды / Саушкин Ю.Г.; Редкол.: А.А. Агирречу и др. – Смоленск: Универсум, 2001. – 414 с.
11. Лёш А. Пространственная организация хозяйства / Пер. с нем. В.Н. Стрелецкого // Под ред. А.Г. Гранберга. – М.: Наука, 2007. – 663 с.
12. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. / сокр. пер. с англ. – М.: Прогресс, 1966. – 659 с.
13. Piveteau J.-L., Pinchemel Ph. L'espace, concept intergratur de la geographie? // Espce geogr, 1985, 14, № 1. – P. 5–8.

14. Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география. Вопросы теории и методологии. – Пермь: изд-во Пермского гос.ун-та, 2007.- 493 с.
15. Трофимов А.М. Концептуальные основы моделирования в географии/ А.М.Трофимов, Е.И. Игогин.- Казань: изд-во «Матбугайт Йорты», 2001.- 340 с.
16. Дружинин А.Г. Региональная парадигма эволюционного развития: фактор межбюджетных трансфертов/ А.Г.Дружинин, Е.М. Джурбина.- Ростов-на-Дону: издательство ун-та, 2005.-111 с.
17. Вебер А. Теория размещения промышленности. – М., 1926.
18. Lundgren J.O.J. The tourist frontier of Nouveau Quebec: function and regional linkages//Tourist Review. 1982.V.37.No 2.
19. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сб. ст. / Родоман Б.Б..—Смоленск: Ойкумена, 2002.—335с.
20. Тархов С. А. Эволюционная морфология транспортных сетей / С.А. Тархов; Рос. акад. наук, Ин-т географии.—Смоленск; Москва: Универсум, 2005.—382 с.
21. Дружинин А.Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода/ А.Г.Дружинин. – Ростов н/Д: изд-во ЮФУ, 2008.- 192 с.
22. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: [в 3 ч.] / Фернан Бродель; Ч. 3: Событие. Политика. Люди.//пер. с фр. М. А. Юсима.—М.: Яз. славян. культуры, — 2004.—639 с.
23. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; Пер. с англ. П.М.Кудюкина// Под ред. Б.Ю.Кагарлицкого.—СПб.: Университетская книга, 2001.—415с..
24. Липец Ю. Г. География мирового хозяйства/ Ю.Г.Липец, В.А.Пуляркин, С.Б.Шлихтер.—М.: Гуманит. издат. центр «Владос», 1999.- 399с.
25. Зырянов А.И. Маргинальные территории и туризм/ А.И.Зырянов, И.С. Зырянова.- Пермь: изд-во ПГУ, 2005.- 121 с.
26. Зырянов А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества/ А.И. Зырянов. – Пермь: изд-во ПГУ, 2006.- 372 с.
27. Мажар Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы / Л.Ю. Мажар. – Смоленск: Универсум, 2008. – 212 с.
28. Теоретические основы рекреационной географии / Отв. ред. В.С. Преображенский. М.: Наука, 1975. - 224 с.
29. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. 2001.
30. Taylor P States and World Cities: the Rise and Demise of Their Mutuality. In:" World Cities in a World - Economy". Cambridge, 1995.
31. Денисов А.А. Иерархические системы: учебное пособие / А.А. Денисов, В.Н. Волкова.- Л.: ЛПИ, 1989. – 88 с.
32. Гутнов А.Э. Мир архитектуры. Лицо города. М.: Молодая гвардия, 1990. – 408 с.
33. Зорин И.В. Туристский центр и центр туризма: содержание и границы понятий / И.В.Зорин// Теория и практика физ.культуры. – 2002. – № 11. – С. 23–35.
34. Шабалина С.А. Трофимов А.М. Пространственная организация рекреационной системы: теоретико-методологические подходы // Проблемы региональной экологии. – № 2. – 2009. – С. 78–82.

А.В. Склон (г. Смоленск)

МАЛЫЙ ГОРОД: SWOT-АНАЛИЗ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ

Skalon A.V.

SMALL TOWN: SWOT-ANALYSIS OF THE PROBLEM FIELD

Аннотация. В статье предлагается комплексная оценка факторов, влияющих на развитие малого города.

Abstract. The article offers a comprehensive assessment of factors affecting the development of small cities.

Ключевые слова: малый город, проблемы развития, SWOT-анализ.

Key words: small city, development issues, SWOT-analysis.

Комплексная оценка факторов влияющих на развитие – это очень важное направление действий муниципалитета, позволяющее объективно оценить условия, среду и потенциалы города, и района. Комплексная оценка позволяет получить взвешенные результаты, выстроить в последовательность (иерархию и логическую связь) задачи, решать которые должны власти, попробовать освободиться от задач, решение

которых не входит в их компетенцию. Фактически именно эта работа и является основой для формирования и успешного осуществления стратегии развития малого города. Она позволяет установить вес и значение отдельных действий, установить их порядок и выбрать критический путь (минимальная последовательность неизбежных действий по достижению искомого результата).

Необходимо учитывать, что на муниципальный уровень управления сегодня возложены необычайно сложные задачи¹, как в институциональном (новизна и сложность законодательных норм), так и в экономическом плане (резкий дефицит средств отведенных на выполнение возложенных на муниципалитеты обязательств, который мягко именуют «необеспеченным мандатом»). Но еще сложнее объяснить лицам, принимающим решения (ЛПР) на уровне муниципалитета, сложившуюся степень контроля, буквально по-шагового, и недоверия к их действиям со стороны региональных и федеральных властных органов. По мнению муниципальных чиновников работа над отчетами («бумажками») стала их основной деятельностью, а некоторые процедуры превратились в мучительные головоломки. Вот типичное высказывание муниципального чиновника на одном из интернет-форумов «...я вам так скажу что работы стало в 2009 году просто в разы больше, а штат не увеличивают. При этом большинство работы, надо заметить, глупой и никому в итоге не нужной, но на выполнение которой надо тратить кучу времени...».

Ниже сделана попытка систематически рассмотреть проблемы муниципальных образо-

ваний (МО) выявленные нами в ходе исследования².

В основе анализа лежит сопоставление сильных и слабых сторон малого (провинциального³) города, как объекта развития (SWOT⁴ – анализ в данном случае видоизменен и несколько усложнен применительно к свойствам изучаемого объекта). Основная идея работы – выявление факторов препятствующих или способствующих развитию основного и самого сложного, по нашему мнению, уровня объектов региона: малого города и тяготеющего к нему пространства. Особое внимание обращено на потенциальное значение факторов существенных для развития города и выделена возможная линия поведения муниципальных властей (субъекта развития) в качестве реакции на анализируемый фактор. В заключение сформулированы несколько положений к возможной стратегии развития региона применительно к проблеме малых городов.

* * *

Рассматриваемые факторы можно распределить по следующим категориям, принципиальным с точки зрения постановки целей развития и формирования стратегии их достижения

Факторы, изменить которые или невозможно или чрезвычайно трудно	Отрицательное значение	Положительное значение
Провинциальность географического положения	Порождает спектр проблем социального, экономического и психологического характера, решение которых на порядок труднее, чем в районах с более благоприятным положением	Позволяет сохранить определенную привлекательность «редкости», относительную экологическую чистоту и «романтичность»

¹ См. ранее: Скалон А.В. Большие проблемы малого города // Смоленщина: триста лет перемен (к 300-летию образования Смоленской губернии). Сборник научных статей. – Смоленск: Универсум, 2008. – С. 53–65; Скалон А.В. Проблемы малого города: необходимость экономического роста // В сб. Актуальные вопросы социально-экономического развития России в XXI веке: аспиранты и студенты в научном поиске. – Смоленск, 2009, С. 36–43; Скалон А.В., Скалон В.А. Проблемы Демидовского района в контексте экономической реформы. // В сб. XV Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы научно-практической конференции, т. 2 (Смоленск, 23 мая 2009 г.). – Смоленск, Универсум, 2009. – С. 78–89.

² Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Малые города региона в зоне влияния мегаполиса: проблемы развития», проект № 09-02-58208 а/Ц

³ Здесь: обобщенный образ малого города (на примере таких городов как Демидов, Рудня, Вязьма, Сафоново и некоторые другие) находящегося на значительном удалении от Москвы (150 - 300 и более километров), Смоленска (от 70 до 120 км и более) и подпадающих под категорию «провинциальных» еще и в силу ограниченной транспортной доступности (транспортные издержки), связанной с плохим или ненадлежащим состоянием дорог и общественных транспортных средств.

⁴ SWOT-анализ (strength – сила, weakness – слабость, opportunity – возможность, threats – угрозы) – комплексная оценка потенциала, условий, возможностей и средств развития (экономического роста, усложнения, модернизации) сложных экономических и социальных систем.

Труднодоступность в транспортном отношении	Резко удорожает стоимость всех транзакций, кроме информационных (сетевых). На последних сказывается только в стадии прокладки оптоволоконного кабеля и в незначительном удорожании эксплуатационных затрат	Для очень немногочисленных любителей сложных и интеллектуальных видов туризма (научный, познавательный, сельскохозяйственный) может представлять исключительный интерес. Для части клиентов отсутствие сотовой связи и Интернета может представлять дополнительное благо
Дискомфортные биотические факторы (например: кровососущие насекомые, болота)	Служат ограничением для животноводства, выступают ограничивающим фактором для рекреационных проектов, снижают селитебную ценность территорий	Могут рассматриваться как элемент биоразнообразия. Сложные экосистемы речных верховий – очень важный его признак. Восстановление природных качеств верховий величайших рек Европы само по себе может рассматриваться как ключевой элемент сбалансированного развития региона в целом
Фрустрация и отток населения, вызванные тремя первыми факторами	Лишает города его район прежде всего квалифицированной и активной рабочей силы (снижение качества человеческого капитала) и фертильного населения. Создает дополнительные проблемы, служащие источником фрустрации	Вызывает дополнительную активность молодежи, направленную вовне города (мобилизация и экспорт человеческого капитала), стимулирует к получению дополнительного образования
Агроклиматический потенциал старопашотных земель водораздельной зоны ограничен и требует реконвалесцентных мероприятий; свойства климата ведут к переувлажнению; положение территорий в зоне истока накладывает ограничения на использование химических средств защиты растений и минеральных удобрений	Климатические ограничения и необходимость специальных мероприятий влекут дополнительные издержки производства, влияющие на подбор культур, технологий и снижающие сравнительную конкурентоспособность продукции. Особые требования предъявляются к квалификации пользователей и специалистам, планирующим природопользование	Стимулирует субъектов природопользования к разработке и принятию эффективной эколого-экономической стратегии. Мотивирует земледельцев рационально распределять средства, планировать издержки и использовать продвинутые технологии. Возможно, способствует производству экологически чистой продукции
Явные нарушения качества окружающей среды, часть из которых может оказаться очень долгосрочной и даже необратимой (бедленды на месторождениях минерального сырья; промышленные выбросы, свалки и захоронения; трансграничный перенос загрязнений с господствующими ветрами; радиационные следы Чернобыльской катастрофы)	Порождают цепочечные процессы деградации природной среды и загрязнение рек в их самой важной водосборной части, снижают эстетические качества ландшафта и гигиенические поверхностных вод; угнетающе воздействуют на психику	При надлежащем подходе деградация природной среды может стать фактором объединяющим население, стимулирующим изобретательность, политическую активность, благотворительность и привлечение грантов на восстановление природных систем

Факторы, изменение которых зависит от внешних условий	Отрицательное значение	Положительное значение
Федеральное законодательство содержит ряд серьезных лагун и противоречий в сфере регистрации и регулирования отношений по собственности; ресурсном законодательстве (по земле, воде, лесам, недрам); торговле (возможны и применяются стесняющие ограничения торговли, дискриминируются отдельные категории субъектов) и регистрации прав собственности	Институциональные дефициты федерального законодательства помноженные на профессиональную некомпетентность ЛПР разных уровней приводят к параличу власти и деловой инициативы. Создается почва для злоупотреблений, сращивания бизнеса и криминала с властью, захвату успешных предприятий, бегству или омертвлению капиталов. Непрозрачность собственности, особенно в городах, парализует рынок земли и ведет к образованию властных кластеров, удерживающих неконкурентные условия	Не выявлено. Возможно, если судить по аналогии, происходит накопление будущих капиталов, которыми смогут распорядиться потомки ныне здравствующих властных лиц, вступая в конкуренцию с себе подобными. Это возможно в перспективе ближайших 50–100 лет и выходит за пределы разумного рассмотрения
За последние десять леткратно выросли объемы «бумажной» работы, резко усложнились требования к отчетам, которые, по мнению ЛПР муниципального уровня «все равно никто не читает»	Большие объемы формальной работы отнимают очень много (по оценкам опрошенных ЛПР – до 70% времени) сил и времени, требуют особой квалификации и увеличения штата, что вступает в противоречие с принципом экономии бюджетных средств, заложенном в федеральном законе о местном самоуправлении	То же. Возможно, стимулирует набор квалифицирующего опыта у исполнителей, но его применение в реальном бизнесе – под вопросом. Возможно, что поток отчетов – средство симуляции активной работы и оправдание для содержания и расширения штатов региональных органов управления (по Паркинсону)
Правовое положение муниципалитетов, их экономические возможности и средства, которыми они располагают	Муниципалитеты сильно стеснены в своих возможностях распоряжаться экономическими ресурсами территории, на которой они действуют. Маневр собственностью для привлечения внешних инвесторов практически невозможен	Повод для политической активизации: стимул для проявления законодательной инициативы на региональном и федеральном уровне и поиска резервов
Федеральное законодательство возложило на муниципалитеты ряд задач не имеющих решения без помощи региональных и федеральных бюджетов (т.н. «необеспеченные мандаты»), и вместе с ними - ответственность на лиц, принимающих решения. ЛПР оказались в непреодолимой зависимости от вышестоящих органов	Ситуация демотивирует ЛПР к проявлению инициативы. Почти любой поступок может быть расценен как «нецелевое расходование средств», нарушение закона (что тем более важно при запутанности и сложности российского законодательства, особенно ресурсного и административного); ставит ЛПР в жесткую зависимость от региональной власти и вынуждает проявлять лояльность любой ценой	Не выявлено. Возможно, стимул для проявления активности на федеральном уровне по совершенствованию и пересмотру законодательства (по принципу «доброе барина»)

Условия налогообложения и др. факторы, формирующие налогооблагаемую базу МО; условия для развития экономической инициативы граждан; в значительной мере условия влияющие на скорость обращения средств на территории МО. У глав МО нет реальных инструментов проведения экономической политики, способной выделить МО из ряда прочих по признаку благоприствования. Разработка собственной стратегии развития практически невозможна. Муниципалитеты не имеют доходов от роялти (рендный налог на пользователей территориальных ресурсов в пользу землевладельца)	Тяжелые и «вязкие» условия для ведения бизнеса могут решительно определять его характер (уклонение от уплаты налогов, «серый» бизнес, «ненаблюдаемые» перетоки капиталов и пр.), включая «бегство денег» из города/района Снижает заинтересованность районных руководств в разработке местных ресурсов	То же. Одним из резервов является воспитание правильного отношения к бизнесу у работников исполнительной власти (или смена кадров) То же. В ряде случаев стимулирует муниципальные власти к участию в политической жизни региона и страны
Транспортное сообщение.	Создает тяжелую зависимость от воли федеральных и региональных властей в части дорожного строительства	Повод для проявления активности депутатов района в законодательном собрании и Правительстве региона и кооперации с другими районами
Многовековая обработка («усталость земли» по Докучаеву), высокая скорость минерализации органического вещества, вымывание питательных веществ из структурно нарушенного почвенного слоя, дефицит фосфора и пр. обуславливают пониженную урожайность и ряд других проблем	Требуются программные инициативы со стороны МО; дополнительные издержки производства, повышенные требования к качеству агротехнических работ и квалификации специалистов; возникают особо жесткие требования к применению органических и минеральных удобрений; неизбежен переход к фитомелиорации; возможен вывод земель из эксплуатации (например, залесение) или перевод в категорию лугов и пастбищ. Необходима федеральная поддержка системных мероприятий по защите и восстановлению земель (реконвалесцентная программа)	Поощряет природопользователей к поиску научно обоснованных, малозатратных (энергоэкономных) агротехнических приемов и методов ведения хозяйства. Стимулирует переход на «мягкий» тип природопользования, что снижает химические нагрузки на природные системы, предупреждает эвтрофикацию водоемов и, в конечном итоге, ведет к реальной экологизации производства
Факторы, изменение которых зависит от воли муниципальных органов и инициативы граждан	Что требуется от муниципалитета	Какие возможности дает городу и району
Наличие и характер условий для ведения бизнеса	Последовательная аналитическая и правовая работа по созданию условий для ведения бизнеса.	Успешная работа в этом направлении обеспечивает экономический рост: накопление капиталов, создание «точек

	Оценка и выделение факторов, решение которых выходит за пределы полномочий районной власти	роста», новых рабочих мест, повышает скорость обращения капиталов, привлекает инвестиции, расширяет ассортимент производимой продукции; в целом, повышает платежеспособный спрос населения и его благосостояние
Дефицит знаний по основам ведения бизнеса, отсутствие личного опыта ведения конкурентного бизнеса	Создание «школ бизнеса» при местных учебных заведениях для детей и взрослых (требует затрат на содержание одной ставки учителя на два класса и расходов на учебные пособия). Проведение бизнес-семинаров повышенного уровня (более значительные расходы на приглашение специалистов, частично могут быть компенсированы федеральными программами). Очень эффективно «десантирование» опытных предпринимателей на высшие должности в МО	Создает необходимые начальные условия для проявления инициативы населения, снимает страх перед неудачей. Позволяет находить новые сферы бизнеса. Стимулирует власти к взаимодействию с государственными и частными фондами поддерживающими образовательные проекты в бизнесе. Ротация кадров «бизнес - администрация» позволяет резко ускорить профессиональный рост ЛПР, но чревато созданием властных кластеров, резко ограничивающих конкуренцию
Неприятие ценностей свободного общества в среде ЛПР. Пассивное сопротивление переменам среди служащих органов власти и управления	Последовательная работа по подбору и замене кадров. Создание новых условий для работы в муниципальных органах, основанной прежде всего на рациональном распределении прав и ответственности служащих. Последовательное уменьшение числа распределительных и разрешительных функций. Привлечение к политической деятельности активных деловых людей. Ротация «бизнес - власть - бизнес». Публичность обсуждения всех значимых шагов власти	Это направление работы неизбежно и крайне важно. Провалы в кадровой работе могут приводить к очень тяжелым последствиям и способны дезавуировать любую программу развития и любой проект. Возникающие коррупционные связи легче предотвратить, чем бороться с их следствиями. Правильно подобранная и ответственная команда способна реализовывать задачи высокой сложности даже при недостатке квалификации
Вялое отношение местного населения к деловой жизни, пассивность и неуверенность в своих силах	PR-акции по типу «Я и мое дело», в которых люди добившиеся успеха рассказывают о том, с какими трудностями они встретились, как их преодолели и чего добились. Выпуски рецептурных брошюр «Как начать бизнес», а также широкое ознакомление желающих с образцами успешного ведения дел	Позволяет преодолеть «отвращение по незнанию», снять излишнее социальное напряжение и вызвать к жизни мотив «А чем я хуже?»
Жесткий дефицит профессиональных знаний, трудовой	Остро необходимы «опытные хозяйства», владельцы кото-	Это единственный способ вернуть в хозяйство профес-

квалификации, практических знаний и умений (в частности, это одна из важнейших причин низкой эффективности фермерских хозяйств. Очень низкая культура производства. Нестабильное качество продукции	рых могли бы принимать и распространять затем новейшие научные знания, методы и орудия работы, полученные ими от научно-исследовательских и образовательных учреждений региона и федерального центра. Можно вспомнить Тенишевское училище под Смоленском, а также опытные хозяйства отечественных сельскохозяйственных вузов	сионалов, провести в жизнь принципы экономии производственных издержек, добиться стабильного качества продукции (очень острая проблема, особенно в сыроделии) и установить высокие стандарты производственной культуры
Недоверие к различным формам кооперации	Проблема доверия – одна из сложнейших в работе ЛПР вообще, и к кооперативным инициативам – в частности. Тут нет никаких рецептов, кроме настойчивой, открытой и честной работы с людьми	Производственная и кредитная кооперация, успешно работавшая в Смоленской губернии до революции, опиралась на доверие к односельчанам и партнерам – с одной стороны, и сложившиеся в стране институты (в том числе земства), с другой. Но важнее всего был положительный пример «складочных» хозяйств, артелей и товариществ, включая быстро растущие кредитные кооперативы. Вполне возможно, что распространяя и популяризируя лучшие примеры (включая образцы документов и описания типичных операций) удастся повторить этот успех
Страхование начальных стадий работы (только в сферах жизненно важных для муниципалитета)	Риск в пределах оговоренных соглашением (проценты по кредиту, часть вложенных средств, выкуп приватизированной собственности по фактической стоимости и пр.). Возможно только при активном участии банков	Развитие социально и экологически важных направлений бизнеса. При начальном участии муниципалитета – полностью частными силами и средствами. Фактически – это размещение общественных средств в виде возвратных ссуд «Доходность» (точнее: полезность) такого размещения денег бюджета можно видеть в социальной роли поддерживаемых направлений бизнеса, снижении остроты экологических проблем, росте занятости и активности населения
Страхование рисков для внешних инвесторов (только в сферах жизненно важных для муниципалитета)	Может рассматриваться как часть программы привлечения инвесторов в жизненно важные области развития. Зависит от выставленных конкурсных условий и соглашения, от условий конкретного проекта. Риск, в размерах	Подобные гарантии всегда несут с собой коррупционные риски, но иногда это единственный путь развития социально и экологически важных направлений работы. К примеру, строительство объектов срок окупаемости которых

	оговоренных соглашением (процент от объема фактически сделанных вложений), может быть гарантирован местным бюджетом, региональным или федеральным целевым проектом	выходит за расчетные рамки, но необходим целесообразен для города или района
Создание и «раскрутка» муниципальных предприятий для дальнейшей их приватизации (продажа с объявлением тендера; аукционная продажа; приватизация трудовым коллективом)	Расходы на создание бизнеса. Эти действия возможны только строго в рамках имеющегося законодательства	Доходы от приватизации действующего предприятия (прибыль на вложенный капитал должна быть выше банковской кредитной ставки). В целом по разделу: совокупность усилий по экономическому подъему средствами населения (активизация деловой активности) ведет к росту занятости, экономической самостоятельности и уровня доходов населения. Возрастает платежеспособный спрос населения, ускоряется оборот средств на территории муниципалитета

Разумеется, что этим задачи и возможности SWOT-анализа не исчерпываются. Методика может быть дополнительно усовершенствована, список анализируемых и сопоставляемых проблем может и должен быть дополнен и конкретизирован для отдельного МО: в основном силами специалистов города. Эту работу можно было бы сделать частью постоянной (регулярной) оценки стратегического потенциала малых городов СО.

К этому следует добавить системный анализ и анализ операций (в случае МО – типичных или стандартных процедур), нацеленные прежде всего на выявление и сокращение непроизводительных издержек и потерь, прежде всего – времени. Потери времени возникающие в результате бессмысленных операций – огромны и выражаются годами; паразитные затраты удваивают и утраивают издержки на создание нового бизнеса, а чаще – просто отталкивают потенциальных инвесторов.

Анализу должны быть подвергнуты

- совокупность ресурсов района и города (от состава и качества земель, до качества человеческого потенциала);
- текущая экономическая и социальная ситуация;

- уже имеющиеся и возможные направления деятельности;
- потенциальные рынки и зоны влияния города и не только в границах его МО;
- узкие места (задержки и издержки) в деловой жизни города/района.

Понятно, что проделать этот сложный и дорогостоящий вид работы только силами специалистов муниципалитета невозможно («принцип Мюнхгаузена»), а потому нужно искать пути для вовлечения в эту работу профессионалов извне («свежий глаз») и, в частности, привлекать собственных студентов в смоленских, и не только, вузах (это хороший повод для целевого обучения толковых ребят и мотив для их возвращения домой). Такое вовлечение могло бы превратиться в интересный проект по возвращению молодых специалистов в родные места: средства, затрачиваемые на целевые стипендии, гонорары, проезд, помощь в обзаведении квартирами (льготные кредиты при условии проживания в родном городе) и пр. многократно окупятся – инвестиции в человеческий капитал – самые выгодные капитальные затраты.

И все же, главная проблема, на которую как на ось нанизаны все остальные, это проблема

институциональных дефицитов, помноженная на некомпетентность ЛПР.

Нам представляется следующая (по важности) иерархия институциональных проблем:

1. Права собственности: легитимное, прозрачное оформление собственности, в первую очередь на землю и недвижимость. С этим связаны проблемы рынка земли, ценообразование и налоговые отчисления в муниципальные бюджеты, контроль экологического качества и пр. существенные для малых городов вопросы;

2. Регистрационные процедуры и в первую очередь, формирование кадастра земель (включая их экологическое качество, оценку экономического потенциала и потребительских свойств) и регистрация прав собственности;

3. Собственность на ресурсы, в первую очередь – частная. Частное, ответственное владение лесными, водными и минеральными ресурсами – единственно возможная база для проведения политики рационального природопользования и, в первую очередь, включения экологических ограничений и связанных с ними рисков в оценку участка/владения. Экологическая составляющая цены участка/владения объективируется только в процессе рыночной оценки (в момент продажи или конкурса); какие либо разумные ограничения можно наложить только на правильно оформленный объект собственности;

4. Свобода торговли комплексом связанных с этой проблемой следствий (от проблемы сертификации производства, технологии продукции, превратившейся в удавку для малого бизнеса, до легитимности различных форм «защиты отечественного производителя»), превратившихся в системный тормоз модернизации производства в стране;

5. Тяжелая и сложная проблема суда и судопроизводства, а также ряд других проблем правоохраны, выходящих за пределы нашей компетенции но решительно влияющих на развитие регионов и, в частности, формирование связей между криминальным группами и органами поддержания правопорядка. О милиции «крышующий» бизнес и обращении к «смотрящим» в муниципальных центрах в поисках справедливости говорят опрошенные нами бизнесмены и эксперты.

Подчеркнем: все, почти без исключения проблемы муниципального уровня управления или созданы, или могут быть разрешены только с участием федерального уровня власти. Мы считаем, что уровень доверия к главам муниципалитетов должен быть радикально повышен; восстановлена процедура избрания глав муниципалитетов прямым голосованием всего населения; радикально упрощена структура управления; разнесены и противопоставлены исполнительные, законодательные и судебные власти; введена муниципальная милиция с избираемым населением главой (шерифом), ответственным только перед законодательным органом МО и населением.

К тяжелым проблемам институционального характера мы склонны отнести и дефицит эффективного социального опыта, хотя место в иерархии проблем мы указать им не можем. Вполне вероятно, что недоверие друг к другу, неумение держать слово, отсутствие «купеческой чести», желание «прокатиться за чужой счет», и другие оценки, высказываемые нашими респондентами, пронизывают общество сверху донизу.

Это не столько наследие советского периода плановой экономики, сколько хототального классового уничтожения целых слоев общества, выборочного устранения носителей ценного социального опыта. Земства и его деятели – поголовно в 1918–19 годах; купечества и предпринимателей в период «закрытия НЭПа» в 1925–27 годах; опытных и успешных крестьян с 1918 года и до 1932 года непрерывно; кооперативных обществ и деятелей кооперации с 1918–19 года и окончательно в 1928–32 годах; интеллектуалов, преподавателей, журналистов (главных трансляторов социального опыта в обществе) – с первых дней после Октябрьского переворота и вплоть до конца 70-х.

Теперь стоит сложная задача возрождения утраченного опыта. Ранее мы уже указывали на некоторые возможности в этом направлении¹:

«Очень сложно, очень медленно и инерционно, но, все же, решаемая проблема. Здесь ЛПР может действовать только поощрением, в основном через школу и вузы, почти индивидуально. На такую кропотливую и неброскую работу может быть способен только настоящий патриот своего города, района, села.

¹ Склон А.В., Склон В.А. Проблемы Демидовского района в контексте экономической реформы // В сб. XV Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы научно-практической конференции, т. 2 (Смоленск, 23 мая 2009 г.). – Смоленск, Универсум, 2009. – С. 78–89.

Самое тяжелое в ней – это большие временные лаги: хорошо обученные и воспитанные дети становятся эффективными работниками и родителями только по прошествии 10–15 лет, а эффекты от такой работы начинают появляться через поколение (20–25 лет). Сегодня лучшие и самые активные выпускники школ стремятся уехать и не только для учебы, но и чтобы «мир посмотреть и себя показать», а доля желающих вернуться после учебы домой, и, что главное, доля тех, кто знает, чем и где он будет заниматься, не превышает 3–5% от опрошенных выпускников».

Заметим, что это и есть магистральное направление работы с молодежью. Много обсуждаемая проблема бегства молодежи может рассматриваться в разных аспектах. Мы подчеркнем только самые существенные.

1. Более чем естественное стремление «мир посмотреть». Препятствовать ему неумно и, думаем, его надо только поощрять. Другое дело, что возвращение домой надо сделать привлекательным. Суть проблемы в этом. Но для этого «дома» должны быть предложены конкурентные виды занятости, уровни заработка и перспективы развития личности; как минимум адекватная запросам культурная среда;

2. Необходимо снять «дамоклов меч» обязательной военной службы, загоняющей молодых людей в вузы. Профессионально-техническое образование страдает не от недостатка спроса, а от страха перед армией. Вузы, давая неплохое образование, не дают профессиональных умений и навыков, снабжая молодых людей неоправданными амбициями.

3. Профессиональное образование надо придвинуть к месту жизни молодых людей, но

это требует наличия преподавателей в малых городах. Качество, гибкость организации, разнообразие дисциплин и специализаций преподавания – решительный фактор в профессионализации. Возможно – решение вопроса в создании опытных и показательных хозяйств/предприятий, создатели которых, при методическом участии специалистов из крупных городов, могли бы делиться своими знаниями с прикрепленными к ним молодыми людьми.

4. Необходимо снять два «проклятия»: отсутствие или плохое качество провинциальных дорог и бездомность молодого специалиста. Эти два фактора далекие не новость и подробно обсуждаться не имеет смысла.

5. Необходимы реальные экономические рычаги в руках муниципалитетов, способные привлечь начинающих предпринимателей

- право передавать частным лицам и обществам на ряд лет с последующим приобретением в собственность (земельный кредит) подготовленные для строительства участки земли;

- выпускать необлагаемые налогом облигации, доходы от которых могут быть использованы муниципалитетом для подготовки участков и привязанного к ним дорожного строительства (включая создание базовых элементов транспортной инфраструктуры, к примеру, автостоянок, остановочных пунктов, систем управления движением и пр.);

- устанавливать гарантии по ссудам молодым специалистам под жилищное строительство; иным способом поощрять застройщиков на подведомственных территориях;

- предоставление налоговых скидок («каникул») начинающим предпринимателям на земельный участок и недвижимость.

² См. Лысенкова З.В., Скалон А.В., Эрман Н.М. Предварительный анализ итогов анкетирования населения в Демидовском районе Смоленской области // Актуальные проблемы современной географии. Вып. V. – Смоленск: Универсум, 2007. – С. 193–211 и на сайте проекта.

Д.Н. Мавринчук
(г. Москва)

ИНФОРМАЦИОННО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И РОССИИ ВО ВРЕМЯ ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

Mavrinchuk D.N.

INFORMATION-GEOPOLITICAL CONFRONTATION BETWEEN THE U.S. AND RUSSIA DURING THE GEORGIAN-SOUTH OSSETIAN CONFLICT

Аннотация. В статье рассмотрено информационно-геополитическое противостояние США и России во время грузино-югоосетинского конфликта на примере особенностей и характера освещения августовских событий «Российской газетой» и «Вашингтон Пост». Систематизированы методы, которыми пользуются СМИ для создания мифологизированной картины мира.

Abstract. The article reviewed information and geopolitical confrontation between the U.S. and Russia during the Georgian-South Ossetian conflict as an example the characteristics and nature of coverage of the August events «Rossiyskaya Gazeta» and «Washington Post». A systematic methods used by the media to create a mythological world picture.

Ключевые слова: геополитический код, Центр и Периферия, СМИ, Россия, США, Грузия.

Keywords: geopolitical code, center and periphery, the media, Russia, USA, Georgia.

Введение. Место постсоветской России на политической карте современного мира определяется становлением нового геополитического порядка, возникающего на месте биполярного, просуществовавшего более четырех десятилетий и обладавшего определенной устойчивостью. Период «геополитического перехода», по терминологии британского географа П. Тейлора, по всей видимости, близок к завершению [18], [19]. В данных условиях российская политическая элита и общественное мнение должны адаптироваться к новым мировым геополитическим кодам.

Постановка проблемы. Выработка геополитических кодов, осмысление меняющегося положения страны в мировом географическом и политическом пространстве, выявление реальных и потенциальных угроз национальной безопасности, налаживание отношений с зарубежными странами с целью противодействия этим угрозам неразрывно связаны с формированием национальной идентичности. В терминах нового направления в западной геополитике так называемой критической геополитики этот процесс предполагает использование как «высоких», так и «низких» геополитических представлений [17]. «Высокие» представления формулируются в актах законодательной и исполнительной власти, таких, как концепция национальной

безопасности, военная доктрина и т.п. «Низкие» представления формируются из более или менее связанного набора государственной и иной символики, образов, мифов, внушаемых рядовому гражданину в процессе его социализации (например, через школьные учебники), а также усваиваемых им в повседневной жизни (из газет, через телевидение, просмотр спектаклей, посещения выставок и т.д.). Из сочетания «высоких» и «низких» представлений, зависящего от уровня образования человека и отдельных социальных групп, складывается восприятие национальной истории (nation-time) и национального пространства (nation-space).

В настоящее время, когда унаследованные от прошлого политические традиции постепенно исчезают, когда общественное мнение становится все более подверженным резким колебаниям, «низкие» представления, формируемые средствами массовой информации, во многом влияют на геополитические представления в обществе и характер нового мирового геополитического порядка, способствуя его легитимизации в глазах, прежде всего, избирателей. В особенности важна легитимизация в восприятии большинством населения гегемонии мирового Центра над Периферией. По мнению многих исследователей экономические составляющие господства «центра»

становятся важнее военных и политических, однако еще быстрее растет роль «человеческого капитала», фактора политической культуры, массовых социальных представлений.

Так, именно средства массовой информации (СМИ), уделяя огромное внимание трагедии сотен тысяч албанских беженцев, сумели убедить общественное мнение на Западе в необходимости военной акции НАТО против бывшей Югославии весной 1999 г. В России в значительной мере именно СМИ сделали исключительно непопулярной «первую» (1994–1996 гг.) войну в Чечне. Подобных примеров можно привести немало.

Исключением не стало и освещение СМИ случившегося в начале августа 2008 г. грузино-югоосетинского конфликта, значительно повлиявшего на характер и содержание всей системы международных отношений. Военное противостояние практически сразу же перешло с локального на глобальный уровень, а в его орбиту оказались включены не только непосредственные участники конфликта, но и другие государства в том числе Россия и США, от позиции которых в современном мире традиционно зависит очень многое. Однако в рамках данной статьи наше внимание фокусируется не на действиях, предпринятых российскими и американскими властями для нормализации ситуации на Кавказе, а лишь на одном из аспектов информационного противостояния указанных государств обозначенном вопросе. А именно характер и особенности освещения августовских событий «Российской газетой» и «Вашингтон Пост», по праву считающимися одними из самых авторитетных печатных изданий в России и США.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования стали посвященные грузино-югоосетинскому противостоянию статьи указанных газет, опубликованные в августе 2008 г., когда конфликт переживал так называемую «горячую» фазу, и к нему было приковано наибольшее внимание общественности и СМИ. Всего в августе 2008 г. в рассматриваемых изданиях вышло 60 материалов, посвященных конфликту (41 – в «Российской газете» и 19 – в «Вашингтон Пост»).

Предметом проведенного анализа являлось выявление: 1) общей картины конфликта, представленной в «Российской газете» и «Вашингтон Пост»; 2) терминов, эпитетов и метафор, используемых изданиями в отношении самого противостояния и участвующих в нем сторон;

3) наиболее типичных видов заголовков и выводов статей; 4) применявшихся методов воздействия на читательскую аудиторию

Обсуждение результатов исследования.

Осуществленная подобным образом систематизация позволила нам составить общее представление об отношении «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» к рассматриваемому конфликту, его причинам и значению. Кардинальные различия в позициях изданий становятся очевидными уже на стадии выявления инициаторов конфликта. Так, по мнению авторов «Российской газеты», войну при негласной поддержке США развязал президент Грузии Саакашвили. Как считает В. Шестаков, правительство США знало о готовящихся боевых действиях, но предпочитало держать это в тайне, хотя эта точка зрения спорная. Более того, разразившееся противостояние во многом было выгодно американцам, взявшим на вооружение метод дистанционного ведения войны против России – силами армейских подразделений третьей стороны [13], [14]. Как пишет В. Воробьев в другой статье, задача формулировалась достаточно просто: дождаться эскалации напряженности в этом регионе, обвинить базирующихся в нем российских миротворцев в том, что они не справляются со своими обязанностями, и потребовать их замены на западных военных [1].

В отличие от своих российских коллег, корреспонденты «Вашингтон Пост» единственным инициатором и виновником конфликта считали Россию, мечтающую, по их мнению, о том, чтобы отстранить Саакашвили от власти, заменить его российской марионеткой, включить Абхазию и Южную Осетию в состав РФ и осуществить «финляндизацию» Грузии. Реализация подобного замысла позволила бы России контролировать трубопровод «Баку – Тбилиси – Джейхан» и предостерегла бы ее бывших «сателлитов» от чрезмерного сближения с Западом [4].

Разумеется, такое поведение «бывшей империи» не должно остаться без соответствующей реакции со стороны Запада. Анализ публикаций «Вашингтон Пост» позволяет сделать вывод о том, что потенциальный ответ западного мира должен включать в себя следующие действия: отказ России во вступлении в ВТО, исключение ее из «Большой восьмерки», приостановление работы Совета «Россия – НАТО», американско-европейский бойкот Олимпиады в Сочи, юридическое преследование В. Путина и бизнесменов из «его команды» [12].

Необходимо отметить, что журналисты «Российской газеты» значительно больше внимания уделяли информационному «фронту» противостояния России и Запада. На страницах «Российской газеты» гораздо чаще появлялись выдержки из европейских и американских газет по поводу конфликта, публиковались интервью отечественных политиков зарубежными СМИ, рассматривались варианты повышения геополитической эффективности страны на мировой арене и т.п.

Именно так с содержательной точки зрения августовские события на Кавказе виделись корреспондентам «Российской газеты» и «Вашингтон Пост». Однако, помимо этого, в сферу нашего внимания входили также и методы, при помощи которых издания формировали у собственной читательской аудитории подобное видение реальности. При этом одним из действенных механизмов влияния на сознание читателя является использование авторами статей специфических слов и выражений, несущих вполне определенную эмоциональную нагрузку. Все многообразие отобранных по такому принципу дефиниций уместно разделить на несколько блоков.

Первый из них посвящен участникам конфликта. В «Вашингтон Пост» больше всего эпитетов, метафор и сравнений было адресовано России. Если формировать свое мнение о нашей стране, базируясь исключительно на материалах этого издания, то получится, что Россия – это «вознесшийся в небеса» «возрождающийся гигант», «нация, помешанная на завоеваниях», пытающаяся за счет «энергетической экспансии» реабилитироваться за «годы политической незначительности» и не скрывающая при этом своих «имперских амбиций». Выражаясь же образно, можно сказать, что Россия – все тот же пресловутый «медведь», не способный распорядиться «бесхозными боеголовками».

Журналисты же «Российской газеты» в центр собственных словесных острот чаще всего помещали М. Саакашвили – «ставленника» и «протеза» американцев, «проект Белого дома», «бесноватого» «незрелого политика», «грузинского Муссолини», «мальчика со спичками», «настоящего фашиста», который проводит «импульсивную и безумную политику» и при этом нередко прибегает к «открытой лжи».

На этом фоне любопытно взглянуть на то, какими наиболее типичными словами и выражениями издания характеризуют Грузию

На страницах «Вашингтон Пост» она чаще всего предстает в виде «имеющей малочисленную армию» «небольшой кавказской республики», «крошечной соседкой России» и просто «прекрасной страной», в которой функционирует «демократически избранное правительство». Управляет же ею «обладающий огромными талантами» «маяк свободы», «бесшабашный друг Америки» (порой, правда, и «грузинский прислужник Буша»), «прозападный модернизатор страны».

Совершенно противоположными эпитетами наделяют эту страну обозреватели «Российской газеты». Для них Грузия – это всего лишь «южный хомут» для Европы, «американский будильник», «второй штат Джорджия» или же «заморская территория США».

Другой составной частью предмета нашего анализа стали используемые «Российской газетой» и «Вашингтон Пост» типы заголовков и способы завершений статей.

Так, заголовки лишь малой части из проанализированных нами статей могут быть отнесены к категории нейтральных: например, «Сложное не лежит на поверхности», «Шесть новых заповедей», «О конфликте в Грузии» и т.п. Названия же остальных материалов с полным правом можно считать не столько методами простого информирования читателя о каком-либо факте, сколько способом воздействия на сознание аудитории с определенной целью – прежде всего, формирования того или иного отношения к описываемому событию.

Вместе с тем, на наш взгляд, имеет место очевидное различие в характере применяемых для этого средств. Так, в 12 из 19 статей «Вашингтон Пост» используются так называемые «заголовки-вопросы» (например, «Новая опасная доктрина России?», «Кто заставил Россию пойти в наступление?», «Что может сделать Запад?» и т.п.) или «заголовки-оценки» (например, «Грузинская бесшабашность», «Путин – не Гитлер», «Война в Грузии демонстрирует «слабость» России» и т.п.). В «Российской газете» же, напротив, преобладают «заголовки-констатации» (например, «Все козыри в руках Кремля» и т.п.) и «заголовки-образные слова или выражения» (например, «Геностыд», «Мы им дали», «Операция «Маккейн»» и т.п.).

Схожее деление на виды можно применить и к концовкам статей. В части проанализированных нами публикаций просто подводятся итоги и делаются выводы по какой-либо поднятой проблеме. Это, своего рода, «концовки-

констатации». Особенно широко данный способ завершения статей распространен в «Российской газете» – встречается в каждой четвертой публикации [5], [6], [7]. Подавляющее большинство статей «Вашингтон Пост» – 13 из 19 – заканчиваются выражением надежд или советами/призывами к подразумеваемому адресату: «Пора убедить его (Путина) в обратном!» [11], «Нельзя допустить, чтобы Грузии раздавили!» [2]

На наш взгляд, анализ наиболее типичных для рассматриваемых изданий способов заглавливания и завершения статей позволяет предположить следующее. Видя в качестве потенциальных адресатов своих материалов как рядовых граждан Америки, так и представителей действующей власти, «Вашингтон Пост» не только осуществляет функцию информирования и выступает в качестве посредника между социумом и властью, но и попутно пытается воздействовать на сознание собственной аудитории, влияя на принятие политических решений. «Российская газета» же в большинстве случаев предпочитает ограничиваться простым информированием своих читателей о произошедших событиях, оставляя им право самостоятельно сделать соответствующие выводы.

Помимо специфически подобранных слов и выражений, а также определенным образом построенных заголовки и способов завершения статей, формированию у читательской аудитории нужных изданию представлений и мнений о кризисе на Кавказе способствуют вполне конкретные методы воздействия на сознание человека, применяемых в газетах. Спектр подобных механизмов – точнее, тех из них, которые нам удалось распознать, – достаточно широк. Остановимся на них подробнее.

Наиболее популярным среди авторов «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» является такой способ воздействия, как цитата. Можно предположить, что применение этого механизма направлено на решение задачи по приданию большой видимой объективности публикуемым материалам – за счет апелляции к мнению, по сути, внешних для самого издания, но как правило, авторитетных персон. Так, довольно часто приводятся слова различных экспертов по международной политике в целом и российско-грузино-американским отношениям, в частности. Нередко присутствуют ссылки и на мнения компетентных в этой области общественных и политических деятелей России и США [8], [9].

Совсем немного уступает цитатам такое средство воздействия на аудиторию как проведение исторических аналогий. Чаще всего авторы статей «Вашингтон Пост» предпочитают напоминать читателям о волнениях в бывшей Чехословакии в 1968 г., в Венгрии в 1956 г. и о захвате Гитлером Судетской области в 1938 г. Подтекст подобных экскурсов очевиден: действия России в грузино-югоосетинском конфликте приравниваются к действиям «агрессора» в вышеперечисленных случаях. В противовес признанию независимости Абхазии Южной Осетии нередко упоминается ситуация, сложившаяся в Чечне: по мнению аналитиков «Вашингтон Пост», эта республика в данном отношении ничем не отличается от «мятежных грузинских анклавов» [3].

Свои «коронные» исторические аналогии есть и у авторов материалов «Российской газеты». Например, ситуация с признанием независимости Косово рассматривается как прецедент, который вполне можно использовать применительно к Южной Осетии и Абхазии. Достаточно часто упоминаются также и действия США по «насаждению» демократии в Афганистане и Ираке [15], [16].

В качестве других методов воздействия корреспондентами «Вашингтон Пост» довольно широко используется драматизация/преувеличение. Примером этому могут служить высказанные на страницах данного издания обвинения России в вынашивании планов по применению ядерного оружия против Польши и Украины, аннексии Южной Осетии и Абхазии или провоцирование восстания в Грузии против Саакашвили [10]. Зачастую все эти размышления оказываются одобренными применением различных лексических механизмов, повышающих степень эмоциональности и образности статьи. Среди них можно отметить юмор, стереотипизацию, упрощения и повторы.

В материалах же «Российской газеты» наиболее распространенными методами воздействия на аудиторию следует признать использование повторов, образных слов и выражений, создающих вполне определенный эмоциональный фон. Причем повторения применяются изданием двояко. Так, один и тот же факт может упоминаться в статье (или в разных статьях) несколько раз, либо же сами статьи могут переходить из номера в номер. При этом различия между ними зачастую могут быть минимальными. Очевидно, что тем самым издание пытается обратить особое внимание своей аудитории на материалы, в кото-

рых содержатся наиболее важные, по его мнению, факты и информация.

Выводы. Подводя итог исследованию характера и особенностей освещения августовских событий на Кавказе в «Российской газете» и «Вашингтон Пост», необходимо отметить следующее. Во-первых, анализ представленной в изданиях содержательной части конфликта позволяет сделать вывод о том, что «Вашингтон Пост» в целом занимает в этом вопросе прогрузинскую позицию. Действия России трактуются им не иначе, как ошибочные, безнравственные и нарушающие всякие международные правовые нормы. «Российская газета», в свою очередь, полностью поддерживает политику властей РФ и уделяет конфликту на Кавказе значительно больше внимания, чем «Вашингтон Пост». Свое отражение это находит не только в количестве посвященных грузино-югоосетинскому конфликту статей, но и в спектре затрагиваемых в связи с ним аспектов в отличие от «Вашингтон Пост», «Российскую газету», помимо фактологической стороны противостояния интересуют также вопросы информационного противоборства России и Запада и деятельность международных организаций по нормализации ситуации на Кавказе.

Во-вторых, очевидно, что для пропагандирования собственной позиции оба издания используют широкий спектр методов воздействия на аудиторию определенным образом сконструированные заглавия и окончания статей, использование ярких и образных слов и выражений, цитат, исторических аналогий, драматизации, стереотипизации, повторов упрощений и т.д.

Наконец, в-третьих, анализ характера и набора используемых изданиями методов воздей-

ствия на читательскую аудиторию позволяют говорить о том, что, по сравнению с «Российской газетой», «Вашингтон Пост» стремится более активно воздействовать как на своих рядовых читателей, так и на представителей власти, по возможности оказывая влияние на процесс принятия политических решений. В этом плане американская газета явно претендует на то, чтобы с полным правом считаться неотъемлемым элементом гражданского общества, и активно позиционирует себя как реальную власть – пусть и четвертую. «Российская газета», напротив, чаще всего ограничивается простым информированием читателей о происходящих событиях, не акцентируя особое внимания на «истинности» собственной позиции. На наш взгляд, подобная «скромность» отечественного СМИ, при условии, что она была присуща большинству российских изданий, вполне могла являться одной из причин имевших место неудач России в информационном противостоянии с Западом в августе 2008 г.

Таким образом, решая, какое место уделить тому или иному региону мира, «горячей точке», стране, руководители крупных общегосударственных ежедневных газет вольно или невольно учитывают приоритеты государственной внешней политики, особенности восприятия и субъективные интересы читательской аудитории. В то же время СМИ постепенно подменяют в сознании читателей реальную картину социальными представлениями, в большей или меньшей степени соответствующими действительности. Таким образом, в каждой крупной стране складывается собственная, во многом мифологизированная картина мира.

Библиографический список

1. Воробьев В. Грузинам разрешили прекратить насилие // Российская газета 2008. 6 авг.
2. Кесслер Г. Война в Грузии демонстрирует «слабость» России // Вашингтон Пост 2008. 28 авг.
3. Коэн Р. Насколько важна для нас Осетия? // Вашингтон Пост 2008. 19 авг.
4. Краутхаммер Ч. Как остановить Путина // Вашингтон Пост 2008. 14 авг.
5. Макарычев М. Точка невозврата // Российская газета 2008. 9 авг.
6. Ильин А. Справиться с катастрофой // Российская газета 2008. 12 авг.
7. Прокофьев В. Никола Саркози просветил послов // Российская газета 2008. 29 авг.
8. Моск М. Пока советник консультировал Маккейна, его фирма вела лоббирование в пользу Грузии // Вашингтон Пост 2008. 14 авг.
9. Доббс М. Путин – не Гитлер // Вашингтон Пост 2008. 17 авг.
10. Отступление дается нелегко (редакционная статья) // Вашингтон Пост 2008. 19 авг.
11. Перлстайн С. Удар России демонстрирует силу трубопровода // Вашингтон Пост 2008. 13 авг.
12. Рамос-Мрозовски К., Ривкин-мл. Д. Ударить Кремль по карману // Вашингтон Пост 2008. 27 авг.
13. Шестаков В. Мальчик со спичками // Российская газета 2008. 11 авг.
14. Воробьев В. Геностыд // Российская газета 2008. 11 авг.
15. Шестаков Е. Легенды Белого дома // Российская газета 2008. 27 авг.
16. Юрьева Д. Разногласия, но не «холодная война» // Российская газета 2008. 28 авг.
17. O'Tuathail G. Critical geopolitics: the politics of writing global space. Minneapolis, 1996.
18. Taylor P.J. Political geography: world economy, nation-state and locality. L., 1993.
19. Wallerstein I. After liberalism. N. Y., 1995.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Б.И. Кочуров, В.А. Лобковский, А.Я. Смирнов
(г. Москва)

РОССИЯ КАК СИСТЕМА ВЫСОКОЭФФЕКТИВНОГО СБАЛАНСИРОВАННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Kochurov B.I., Lobkovsky V.A., Smirnov A.Y.

RUSSIA AS A SYSTEM OF HIGH- ENVIRONMENTAL IN THE FINANCIAL CRISIS

Аннотация. Анализ процессов природопользования по субъектам РФ показал, что эффективность региональной деятельности возрастает, если достигается баланс и гармония по трем соотношениям: 1) эффективности прибыль-образующего и затратно-экологического секторов экономики; 2) креативной активности населения общенационального и индивидуального направлений; 3) отношения натуральной и монетарной эффективности природопользования. Декомпозиция этих соотношений приводит к кризисному состоянию регионов. В связи с этим предлагаются три направления по антикризисному развитию регионов России: 1) от предкризисного накопления денег к балансу и гармонии; 2) от самоотверженного труда к балансу и гармонии и 3) от посткризисного состояния к экотерриториям.

Abstract. Analysis of the processes of nature on the subjects of the RF showed that the effectiveness of regional activity is increased when a balance and harmony on three relationships: 1) the effectiveness of the profit-generator and cost-environmental sectors of the economy, 2) the creative activity of the population nationwide, and individual areas, and 3) the relationship of natural and the effectiveness of monetary nature. Decomposition of these relationships lead to crisis situation in the region. In this regard, there are three areas of Crisis Development of the Regions of Russia: 1) by pre-crisis accumulation of money to balance and harmony, and 2) from the dedicated work of balance and harmony, and 3) the post-crisis state to ekoterritoriyam.

Ключевые слова: Россия, процесс природопользования, антикризисное развитие регионов.

Key words: Russia, the process of environmental management, crisis development of the regions.

Основная цель человеческой деятельности – эффективное природопользование на территории, когда ценность результатов этой общественно-производственной деятельности превышает ценность потребляемых при этом природных ресурсов. В современном мире, в зависимости от особенностей результатов деятельности, сформировалось два направления эффективного природопользования: деятельность для личного обогащения – преобразование природных ресурсов в излишества и деятельность для обеспечения жизни – преобразование природных ресурсов в необходимости.

Вместе с тем, глобальный финансовый кризис четко разделил человечество на три группы:

1) тех, кто использует Землю как пространство проживания; 2) тех, кто использует Землю как пространство обогащения; 3) тех, кто использует Землю как пространство «симбиоза» человека и природы с взаимощающими, взаимобогащающими, взаимосберегающими технологиями природопользования.

Первая группа населения Земли не имеет особых перспектив развития, вторая – приведет к экологической катастрофе. Будущее за третьей группой населения.

Невзгоды исторического развития поставили Россию перед важнейшей задачей – создание современных, наукоёмких средств труда и, соответствующего этим средствам, потенциала

живого квалифицированного труда. Реализация этой задачи возможна на базе высоких ментальных качеств живого квалифицированного труда и креативной активности населения. Таким образом, основной целью развития России должно быть формирование системы высокоэффективного сбалансированного природопользования.

Эффективность природопользования определяется как соотношением результатов деятельности P и затрат на их достижение Z , выраженных в сопоставимых единицах: $E = P/Z$.

Эффективность возникает в процессах деятельности. Процесс есть целенаправленная последовательность действий, ограниченная привлеченными ресурсами. Полностью процесс характеризуется своими основными показателями: целями постановки процесса, способами достижения целей, затратами ресурсов на реализацию целей.

По традиционному монетарному подходу под эффективностью использования природных ресурсов понимают отношение доходов и расходов от потребления природных ресурсов и сырья. При этом, способы преобразования расходов в доходы рассматриваются как «черный ящик» с расходами на его входе и доходами на его выходе. Однако, использование для оценки эффективности региональной деятельности только денежного, монетарного подхода маскирует значение источников денежных потоков. А это региональные потенциалы живого квалифицированного труда, средств труда, потоки предмета труда (природных ресурсов и сырья), результата труда (продукции и услуг). В условиях нормальной рыночной экономики денежные потоки и их источники взаимосвязаны и обуславливают друг друга, как предполагается, справедливыми соотношениями. В нынешних же существующих в России условиях несвободного рынка, эти соотношения считать справедливыми наивно. Поэтому, для оптимизации управления российскими соотношениями «деньги и их источники» необходимо сопоставлять (соотносить) традиционный монетарный и предлагаемый нами натуральный подходы к расчетам эффективности природопользования. Натуральный подход ориентирован на использование в расчетах эффективности природопользования в основном, натуральных, не денежных показателей региональной деятельности. Вместе с тем, мы предлагаем раскрыть «черный ящик» и представить его как процесс – целенаправленную последовательность действий, ограниченную привлеченными ресур-

сами. Здесь затраты привлеченных ресурсов – предмет труда поступает на вход «черного ящика», содержание «черного ящика» – живой труд и средства труда, цель – продукция поступает на выход «черного ящика».

Следовательно, эффективность есть безразмерная величина, число, показывающее, во сколько раз увеличится отдача единицы затрат ресурсов за счет их рационального использования.

Исходя из этого, и строятся предложенные нами [1, 2, 3] процедуры оценки эффективности регионального природопользования. Сравниваются по данным Росстата или экспертным оценкам показатели региональных процессов, однотипных по ресурсным доминантам: возобновляемым, невозобновляемым и антропогенным (созданным человеческим трудом). В ходе сравнения из массива исходных данных количественно выраженных показателей процессов или вербальных оценок свойств целей, способов и затрат формируется массив расчетных данных – количественно выраженных преимуществ в размах по целям, способам и затратам, относительно минимальной оценки данного свойства данного показателя из всего множества однотипных процессов. Показатели оцениваемых процессов всегда сравниваются с одними и теми же одноименными показателями минимального уровня. Эти показатели сравнения считаются базовыми.

Исходя из позиций третьей группы населения, мы строим свое видение процесса природопользования как гармонию (баланс) трех главных соотношений показателей региональной деятельности: 1) отношения эффективности прибыль-образующего и затратно-экологического секторов экономики (ЭПОС/ЭЗЭС); 2) отношения креативной активности населения общенационального и индивидуального направлений (ОКАН/ИКАН); 3) отношения натуральной и монетарной эффективности природопользования (НЭП/МЭП).

Как показали проведенные расчеты, сбалансирование и гармоничное развитие процессов региональной деятельности выражается примерным равенством (P) числителей и знаменателей и имеет следующий вид: $1 < (ПОС/ЗЭС) < 1,5$; $1 < (ОКАН/ИКАН) < 1,5$; $1 < (НЭП/МЭП) < 1,5$ (рис. 1).

Такие соотношения представляют антикризисное состояние процессов природопользования. При этом финансовые потоки рассматриваются не как предмет обогащения, а как

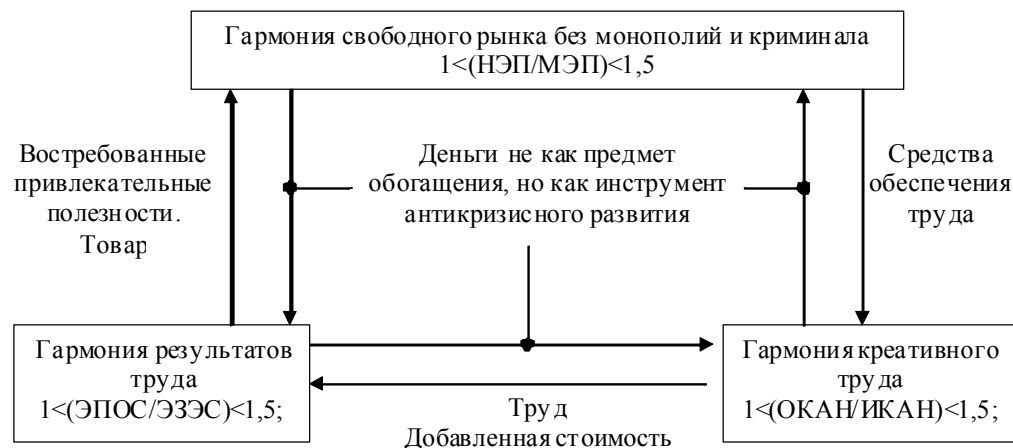

Рис. 1. Схема устойчивого антикризисного развития страны

инструмент организации гармоничных процессов природопользования прибыль обеспечивает баланс развития производства и качество природной среды; креативная активность населения сбалансирована по общенациональным и индивидуальным целям; рынок сбалансирован представлен товарами и их денежной ценностью.

Отметим, что креативная активность населения индивидуального направления (ИКАН) определяется региональным коэффициентом фондов, численностью малых и средних предпринимателей, благосостоянием населения; общенационального направления – обобщенной эффективностью регионального природопользования, развитием обрабатывающих отраслей, трудовыми ресурсными потенциалами.

В свою очередь, эффективность природопользования, выраженная в натуральных показателях определяется как средняя арифметическая от эффективности природопользования по прибыль-образующему и затратно-экологическим секторам региональной деятельности. Эффективность природопользования, выраженная в монетарных показателях, определяется как отношение показателей валового регионального продукта (ВРП) к сумме расходов регионального бюджета и инвестиций в развитие региона.

И, наконец, эффективность природопользования по прибыль-образующему сектору определяется как сумма эффективностей достижения благосостояния населения, ВРП и добавленной стоимости. Эффективность

природопользования по затратно-экологическому сектору определяется как сумма эффективностей эксплуатации региональной инфраструктуры, окружающей среды и человеческого организма.

Основное воздействие финансового кризиса 2008-2009 гг. направлено на разрушение баланса этих трех определяющих соотношений показателей природопользования ПОС/ЗЭС; ОКАН/ИКАН; НЭП/МЭП, характеризующих в целом важнейшие показатели развития общества: производство, менталитет народа и рынок. Декомпозиция соотношений основных показателей региональной деятельности и их общенациональной значимости приводит к кризисному состоянию регионов.

Если в рассматриваемых соотношениях преобладает знаменатель (З) над числителем (Ч), то возникает в регионах послекризисная ситуация (спад производства, финансовые затруднения и т.п.). Но в некоторых из них создаются уникальные условия для развития общенациональной инновации – экотерриторий так как в этих регионах наблюдается незначительные антропогенные нагрузки на базе высоких показателей индивидуальной креативной активности населения (инициативы малого бизнеса) и монетарной эффективности природопользования (получение денег за счет экологических инноваций и технологий).

В целом регионы России по направлению кризисного развития распределяются по трем группам: 1) обработка (производство); 2) потребление и 3) экоразвитие.

Для первой группы характерно преимущественное использование антропогенных и невозобновляемых ресурсов в обрабатывающих отраслях. Природа здесь выступает как предмет труда. Для второй группы характерно преимущество развития отраслей торговли. Здесь природа выступает как средство обогащения. В третьей группе доминирует использование возобновляемых ресурсов. Природа здесь рассматривается как среда обитания. Широкое развитие здесь получают особо охраняемые природные территории (ООПТ), рекреация и туризм, экоагрокомплексы.

Можно видеть, что к первой группе регионов относятся Брянская, Ивановская, Орловская, Новгородская области, Республики Марий-Эл, Адыгея и др.) (рис. 2). То есть, возможное антикризисное развитие природопользования в этих субъектах рассматривается по пути экотерритории: малые антропогенные нагрузки, большие площади сохранившихся ландшафтов, способствует росту туризма и рекреации, экологически чистому сельскому хозяйству и т.п.

И другой пример. В некоторых регионах (Республика Коми, Архангельская область и др.) имеет место преимущество показателей прибыль-образующего сектора над затратно-экологическим, высокая индивидуальная активность населения (ИКАН) при оптимальном соотношении натуральной и монетарной эффективности. Для осуществления антикризисного развития природопользования в этих регионах необходимо переходить на создание экотерриторий и обеспечить перераспределение дохода от высоких показателей прибыль-образующего сектора с более разумным использованием индивидуальной креативной активности населения (малого и среднего бизнеса) на развитие затратно-экологического сектора (от 333 к РРР) (рис. 2).

Интересным представляется направление к антикризисному состоянию регионов «от самоотверженного труда к гармонии» (от ЧЧЧ к РРР) (рис. 2). В этих регионах (например, Ленинградская область) имеет место преимущество показателей прибыль-образующего сектора над затратно-экологическим, общенациональной креативной активности населения над индивидуальной, натуральной эффективности природопользования над монетарной. Налицо образ социалистического самоотверженного труда.

Для выхода из создавшегося положения необходимо обеспечить рост затратно-экологи-

ческого сектора, индивидуальной креативной активности населения, монетарной эффективности природопользования, возможно с привлечением внешних средств финансирования. Низкие показатели индивидуальной креативной активности населения (угнетение частной инициативы) могут свидетельствовать о снижении производительности процессов региональной деятельности. В нынешней экономике такое развитие регионов – не редкость.

Таким образом, можно выделить три направления по антикризисному развитию регионов России: 1) от предкризисного накопления денег к балансу и гармонии; 2) от самоотверженного труда к балансу и гармонии и 3) от послекризисного состояния к экотерриториям.

Комментарии экономистов-аналитиков о глобальном экономическом кризисе стремятся убедить нас, что кризис наступил внезапно, непонятно почему и в этом никто виноват. Но если рассматривать финансовый кризис 2008-2009 гг. с позиций природопользования, то хорошо видна многолетняя последовательность шагов по его возникновению. Становится также ясно, что важнейшей задачей является не сглаживание последствий кризиса, а его эффективное предотвращение на самых ранних этапах, что, несомненно, выгоднее.

Проведенные исследования по регионам Российской Федерации с 2000 г. позволяют выявить три типа отношений процессов региональной деятельности к последствиям финансовых кризисов. *Регионы наименьшего риска наступления финансового кризиса.* Финансовые потоки в равной мере обеспечивают общенациональные интересы (высокоэффективное использование природных ресурсов) и интересы личного обогащения (получение заслуженной прибыли).

Регионы – потенциальные генераторы финансового кризиса. Регионы, в которых создаются условия для развития финансового кризиса. Финансовые потоки обеспечивают преимущественно интересы личного обогащения (получение наибольшей прибыли) за счет угнетения общенациональных интересов (снижение натуральных, не монетарных показателей эффективности использования природных ресурсов). Накопление денег с целью их последующего изъятия из социальных и производственных процессов.

Регионы, испытывающие последствия финансового кризиса. Дефицит денег опустошение. Оскудевшие финансовые потоки посылно

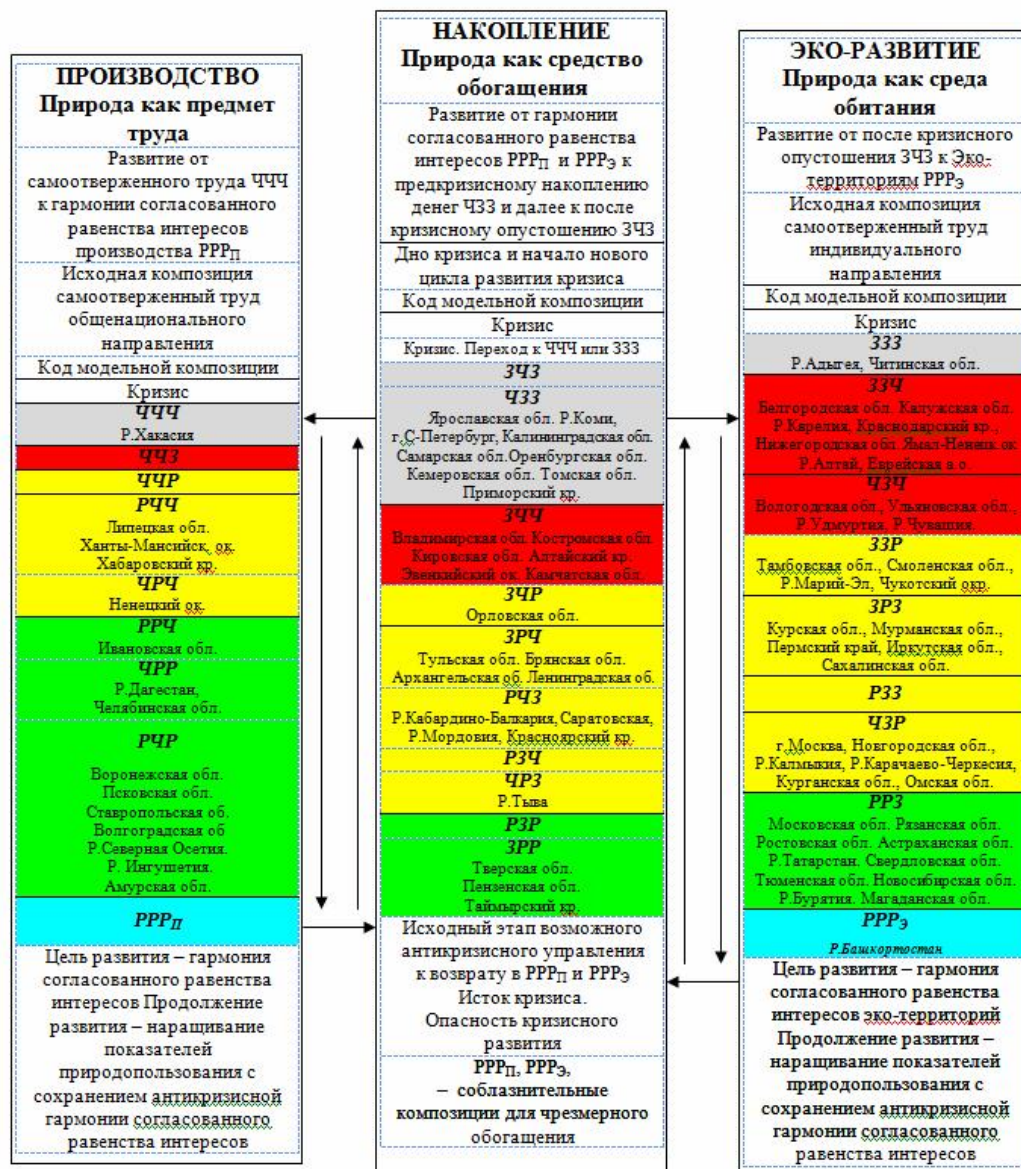

Рис. 2. Схема развития кризисов
регионального природопользования

обеспечивают устойчивость от кризисных платежей производственные процессы, при этом их производственные показатели низки из-за снижения личной заинтересованности обедневших слоев населения, занятых в экономике (низкие показатели благосостояния населения при снижении креативной активности населения индивидуального направления).

Основная причина угнетения производственного сектора – кредитный допинг. Заметим, что финансовый допинг – кредитование считается важнейшим фактором развития ны-

нешней цивилизации. И это несмотря на то, что трагические последствия кредитного допинга вопиют и всем видны: кризисы, преступления – вот реальная расплата населения за кредиты. Деньгами надо торговать в ограниченных объемах. Важнейшей ролью денег должна быть функция эффективного объединения живого труда, средств труда и предмета труда (ресурсов и сырья) для обеспечения жизни и деятельности народа посредством производства и потребления результатов труда: востребованных, привлекательных полез-

ностей (товара). Деньги должны зарабатываться предпринимателями честным трудом и они должны быть обеспечены трудом России, а не золотомнаших природных ресурсов.

Сейчас львиная доля налогов поступает от продажи денег, но издержки кредитного допинга настолько велики, что эффективность этих налогов незначительна.

Библиографический список

1. Кочуров Б.И., Смирнов А.Я., Лобковский В.А., Лобковская Л.Г. Оценка и мониторинг эффективности регионального природопользования // Научное наследие Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского и его роль в развитии современной науки. Материалы Всеросс. науч.-практич. конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения П.П. Семенова-Тян-Шанского. – Липецк, 2007. – С. 101–122.
2. Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Эффективность регионального природопользования: методические подходы / Проблемы региональной экологии. – 2008. – № 4. – С. 61–70.
3. Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Эффективность регионального природопользования по федеральным округам Российской Федерации // Проблемы региональной экологии. – 2009. – № 2. – С. 8–19.

И.С. Гуменюк
(г. Калининград)

ТРАНСПОРТНЫЙ КОМПЛЕКС КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Humeniuk I.S.

THE TRANSPORT COMPLEX OF THE KALININGRAD REGION: STATUS AND PROSPECTS

Аннотация. В статье дана краткая характеристика всех видов транспорта, представленных в Калининградской области. Выявлены характерные для них проблемы, и рассмотрены варианты дальнейшего развития.

Abstract. In article the short characteristic of all types of transport presented in the Kaliningrad region is given. Characteristic problems for them are revealed, and variants of the further development are considered.

Ключевые слова: Транспортный комплекс, автомобильный транспорт, авиационный транспорт, железнодорожно-морская транспортная система, трубопроводный и внутренний водный транспорт.

Key words: transport complex, automobile transport, air transport, railway-sea transport system, pipeline, inland water transport.

Для Калининградской области транспортный комплекс является одной из наиболее значимых отраслей региональной экономики. Обеспечивая работой 1/10 часть от общей численности занятых в экономике региона, транспортный комплекс производит примерно 10% ВРП. При этом транспорт является и одной из отраслей специализации региона [1]. Транспортный комплекс Калининградской области имеет многоотраслевой характер: в регионе представлены практически все виды транспорта. При этом они отличаются друг от друга по степени развитости и особенностям специализации.

Морской транспорт региона традиционно является лидером по переработке грузов (около 15,6 млн. тонн в 2007 году), и в связке с главной железнодорожной линией области (Калининград – Черняховск – Нестеров) обеспечивает внешнеэкономические связи не только самой Калининградской области, но и многих других регионов Российской Федерации. В 2007 году на эту систему приходилось около 95% суммарного объема переработанных транспортом области грузов.

Морские порты региона функционируют в условиях острой конкуренции с другими

портовыми комплексами, расположенными на Балтике (в первую очередь с портовым комплексом Санкт-Петербург-Усть-Луга и Клайпедским портом). Дальнейшая перспектива развития морского транспорта в Калининградской области связана с формированием в городе Балтийске крупного портового комплекса. Для этого в Приморской бухте планируется построить новый глубоководный порт, а также создать центр паромного сообщения, соединяющего все приморские города Балтийского моря.

Железнодорожный транспорт (за исключением линии Калининград - Нестеров) специализируется на перевозке населения внутри области. Несмотря на наличие пяти железнодорожных пунктов пропуска через государственную границу, перевозка пассажиров за пределы региона осуществляется в небольших объемах. В 2007 году через все пункты пропуска железнодорожным транспортом было перевезено около 700 тыс. человек, из которых 70% приходится на железнодорожное сообщение Калининград-Москва и Калининград-Санкт-Петербург [2]. Главная проблема железнодорожного транспорта региона – сложности транзита грузов через железнодорожные системы Литвы и Белоруссии. Отсутствие четких механизмов формирования пошлин на транзит различных грузов, вызывает недоверие к железнодорожной системе Калининградской области со стороны потенциальных грузовладельцев.

Автомобильный транспорт региона является наиболее развитым из всех представленных в области с точки зрения качества предоставляемых услуг и уровня развития инфраструктуры. Густота автомобильных дорог в области значительно выше, чем в других субъектах России, входящих в регион Балтийского моря, но при этом значительно ниже, чем в соседних странах (Таблица 1). По качеству подвижного состава автомобильный транспорт региона также значительно выше не только среднероссийских значений, но и показателей крупнейших экономических центров страны – городов Москвы и Санкт-Петербурга (рисунок 1). Благодаря наличию семи автомобильных пунктов пропуска через государственную границу автомобильный транспорт Калининградской области входит в систему европейских транспортных коридоров, что значительно повышает мобильность населения и позволят усилить контакты Калининграда со странами Балтийского региона.

Дальнейшее развитие автомобильного транспорта в Калининградской области связано с развитием инфраструктурной компоненты. В первую очередь это касается строительства новых качественных автомобильных дорог, отвечающих мировым стандартам. В рамках этого направления на территории области реализуется сразу несколько крупных федеральных и международных проектов.

1. Приморское транспортное кольцо. В ходе реализации данного проекта планируется построить современную скоростную автомагистраль, которая свяжет город Калининград, аэропорт Храброво и все приморские города региона в единое кольцо. Общая протяженность дороги более 150 км, срок окончания проекта 2015 год.

2. Строительство нескольких пунктов пропуска через государственную границу. К осени 2009 года в строй войдет новый АПП «Мамонново II-Гжехотки», начато строительство АПП «Чернышевское – Кибартай». Ведется строительство АПП на дороге Гвардейск – Неман до границы с Литвой. Планируется возвести новый мостовой переход через реку Неман, а также проложить обходную дорогу вокруг города Советск. Всего в рамках данного проекта планируется построить дорогу протяженностью 11,8 км.

3. Строительство обходных дорог в крупных городах области. Уже реализуется проект по созданию южной части окружной дороги вокруг города Калининград. В стадии обсуждения находятся проекты обходных автодорог городов Черняховск, Нестеров.

Воздушный транспорт региона труднее других переживает мировой экономический кризис. До начала кризиса, единственный региональный авиаперевозчик «Кд авиа», благодаря развитию программы транзитных перевозок, демонстрировал самые динамичные темпы развития, среди всех транспортных компаний области. За период с 2006 года по 2007 год компания значительно увеличила пассажирооборот, перевалив отметку в 1 млн. человек (в 2006 г. – 700 тыс. человек, в 2007 г. – 1 100 тыс. человек). Дальнейшие перспективы развития регионального воздушного транспорта напрямую зависят от финансовой поддержки Правительства России, о которой было заявлено в апреле 2009 года [5].

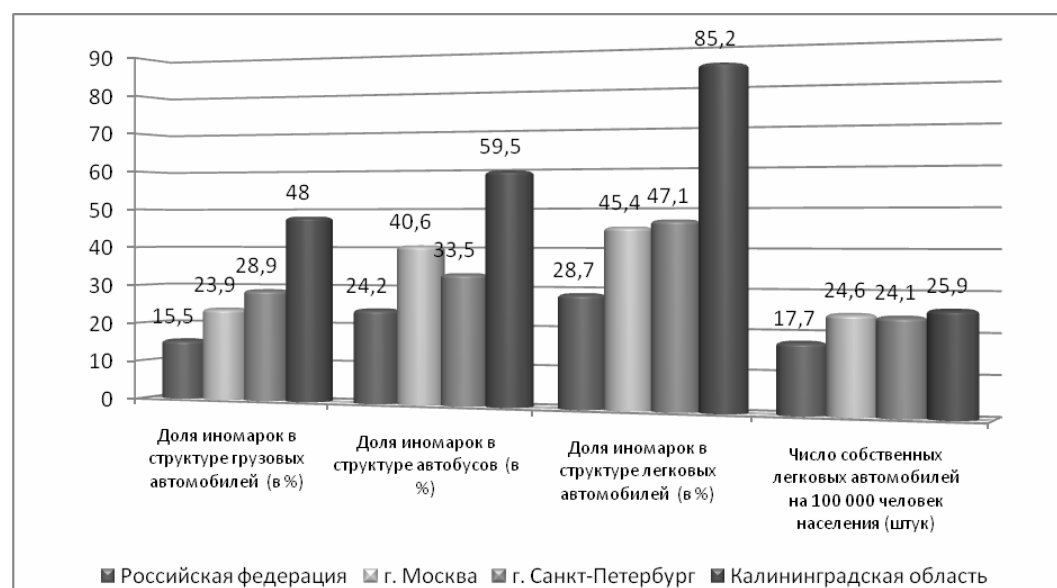
Остальные виды транспорта, представленные в Калининградской области, - внутриобластного значения. В первую очередь это касается

Таблица 1

Значения некоторых транспортных показателей в странах Балтийского региона и субъектах Российской Федерации (входящих в Балтийский регион)

Страна/субъект	Площадь (тыс. км ² .)	Протяженность железных дорог (км.)	Густота железных дорог (км./тыс. км ² .)	Протяженность автомобильных дорог всего (км.)	Густота автомобильных дорог (км./тыс. км ² .)
Германия	356,7	34 122	95,6	644 480	1 806,7
Польша	312,7	19 429	62,1	423 997	1 355,9
Швеция	450,0	11 020	24,4	425 300	945,1
Дания	43,1	2 646	61,3	72 362	1 678,9
Финляндия	338,1	5 905	17,4	78 821	233,1
Литва	65,2	1 771	27,1	80 715	1 237,9
Латвия	64,6	2 269	35,1	69 675	1 078,5
Эстония	45,2	962	21,2	57 016	1 261,4
Российская Федерация	17 075,4	85 000	4,9	933 292	54,6
Калининградская область	15,1	618	40,9	7 466	494,4
Ленинградская область (включая г. Санкт-Петербург)	87,3	2872	32,8	15 146	173,4
Новгородская область	55,3	1 144	20,6	10 187	184,2
Псковская область	55,3	1 092	19,7	11 941	215,9

Источник [3,4]

Источник: [4]

Рис. 1. Показатели качества автомобильного парка в некоторых регионах России (2006 г.)

трубопроводного и внутреннего водного транспорта. Перспективы развития трубопроводного транспорта в регионе связаны в основном с двумя проектами, один из которых уже реализуется, а другой находится в стадии обсуждения. Первый проект – программа газификации

Калининградской области, принятая в 2005 году благодаря реализации первой очереди этой программы пропускная способность главного газопровода области «Минск — Вильнюс — Каунас — Калининград» была увеличена до 1,05 млрд. м³ в год. В 2009 году была начата реализация

второго этапа, благодаря которому планируется обеспечить газом 20 населенных пунктов в которых проживает 10 тыс. человек. Для этого предстоит построить четыре газопровода протяженностью порядка 190 км – в Неманском, Краснознаменском, Зеленоградском районах и в Янтарном городском округе [6].

Вторым проектом является газопровод между Россией и Германией, который пройдет по дну Балтийского моря («Северный поток»). Начало реализации проекта – июль 2009 года, но пока еще, не ясно будет ли построено ответвление в Калининградскую область, о котором настаивает региональное Правительство. Данный вопрос находится на стадии обсуждения акционерами компании «Nord Stream».

Внутренний водный транспорт в Калининградской области является наименее развитым. Несмотря на наличие разветвленной сети внутренних водных путей (571 км), в 2006 году грузооборот составил всего 0,2 млн. тонн (менее 1% от суммарного грузооборота транспортного комплекса Калининградской области). Главная причина – отсутствие финансирования со стороны государства не желание крупных предприятий инвестировать данный сегмент транспортного комплекса области. Перспективы развития внутреннего водного транспорта связаны с идеей его переориентации, с транспортировки грузов на обслуживании туристических пассажирских

маршрутов. Это стало возможным благодаря подписанию соглашения между Правительством России и Правительством Литовской Республики о судоходстве по Куршскому заливу и водным путям в Калининградской области. Этот документ фиксирует право свободного прохода судов по внутренним водным путям, включая заход в порты, погрузку и выгрузку посадку и высадку пассажиров. В апреле 2009 года это соглашение было ратифицировано Советом Федерации. В перспективе планируется подписание такого же документа между Россией и Польшей о судоходстве по Вислинскому (Калининградскому) заливу.

Калининградская область обладает выгодными предпосылками для создания мощного транспортного комплекса, который был бы конкурентоспособен не только в рамках России, но и всей Европы. Формирование мощного конкурентоспособного транспортного комплекса, с его последующей интеграцией в общеевропейское пространство это одно из ключевых условий дальнейшего экономического развития всей Калининградской области. Несмотря на различные условия функционирования представленных в регионе видов транспорта, перспективы развития каждого из них зависят от решений, которые будут приняты в рамках трехсторонних переговоров Калининград – Москва – Брюссель.

Библиографический список

1. Гуменюк И.С., Зверев Ю.М. Транспортный комплекс Калининградской области / Под ред. Г.М. Федорова. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.
2. Гуменюк И.С. Формирование транспортного комплекса Калининградской области / Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 3: сер. Экономические и юридические науки – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – 127 с.
3. The world factbook [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html> Дата обращения 9.07.2009.
4. Информационно-издательский центр «Статистика России»/ Транспорт России 2007 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.statrus.info/catalog/edition.jsp?id=2100&uid=22> Дата обращения: 09.07.2009.
5. «КД авиа» может поддержать государство/ Коммерсантъ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rbc.ru/digest/index.shtml?commercant/2009/04/14/32368474> Дата обращения: 09.07.2009.
6. Начался второй этап программы газификации Калининградской области/ Калининград.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kaliningrad.ru/news/k707373.html> Дата обращения 10.07.09.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

И.В. Пилешкий
(г. Витебск)

ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СЕЛЬСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Piletsky I.V.

PROBLEMS OF AGRICULTURAL USE CULTURAL LANDSCAPES OF VILLAGE ASSOCIATIONS BYELORUSSIAN POOZERIYA

Аннотация. Белорусское Поозерье, обладая большим общим потенциалом, из-за высокой заболоченности земель, преобладания суглинистых почв, значительной культурной неустроенности, проявления неблагоприятных природных факторов и процессов выделяется минимальной экономической эффективностью сельхозпроизводства. Для решения проблемы необходимо уточнение существующей сельскохозяйственной специализации региона с учетом динамики его трудовых ресурсов и выполнить районирование культурных ландшафтов сельских агломераций.

Abstract. The management of cultural landscapes of Byelorussian Poozeriya village agglomerations is characterised by the low economic efficiency because of high moistured grounds, the abundance of clay soil, significant cultural discrepancy, adverse natural factors and processes, etc. The Byelorussian Poozeriya development lies in the specification of the existing agricultural specialization of the region taking into account all its components, including manpower and the carrying out the respective district division.

Ключевые слова: культурные ландшафты, культурная неустроенность земель, сельскохозяйственная специализация, экономическая эффективность

Key words: cultural landscapes, weak culture of grounds, agricultural specialization, economic efficiency

Анализ распределения общей площади Белорусского Поозерья по категориям земель [1] показывает, что здесь, по сравнению с другими регионами Беларуси, меньший удельный вес земель сельскохозяйственного назначения, госзапаса, промышленности, транспорта, связи и больший лесопокрытых, общего пользования в населенных пунктах, природоохранного, оздоровительного, историко-культурного и рекреационного назначения. Несмотря на это, формирование культурных ландшафтов здесь также должно вестись строго дифференцированно по типам земель и зонам, демографическому потенциалу, с соблюдением научно обоснованного подхода к трансформации лесов и др. [2]. Преобладающими типами земельных угодий культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского Поозерья являются

водораздельные пространства, занимающие 83%, депрессии составляют 16%, а на долю пойменных земель приходится 1% [1]. В регионе имеется значительный резерв освоения земель, преимущественно в центральной и северной его частях [2]. К особенностям региона следует отнести и то, что 73,8% общей площади озер республики приходится на Поозерье.

В то же время культурные ландшафты сельских агломераций Поозерья используются менее интенсивно. Здесь, по сравнению со среднереспубликанскими показателями, меньше в 1,2 раза пашни, в 1,3 раза многолетних насаждений, в 1,1 раза сельскохозяйственных угодий, больше в 3 раза земель, покрытых древесно-кустарниковой растительностью, в 1,2 раза болот, в 1,3 раза земель под водой) [1]. К тому же в регионе и самая низкая плотность населения —

по состоянию на 01.01.06 г. 32 чел./км² при средней по Беларуси 47 чел./км². Поозерье, имея большой общий потенциал природных ландшафтов, испытывает наибольшие трудности при формировании культурных ландшафтов сельских агломераций. В первую очередь это относится к высокой заболоченности сельскохозяйственных угодий – около 33% (таблица 1). Более половины пахотных площадей (53,3%) расположены на глинистых и суглинистых почвах, 38% – на супесчаных, большей частью подстилаемых водоупорными породами, 7,1% составляют песчаные почвы и 1,6% – торфяно-болотные [2]. Гранулометрический состав почв и характер подстилающих пород свидетельствует о сравнительно высоком потенциальном плодородии почв культурных ландшафтов региона. Однако реализация в сельскохозяйственном производстве потенциального плодородия сдерживается за счет факторов культурной (мелиоративной) неустроенности [3].

Результаты исследований. Объектом исследований явились все разнообразие естественных и осушенных почв Белорусского Поозерья. Многолетние исследования показывают, что избыточное увлажнение почв характерно всем культурным ландшафтам региона. Так в ландшафтах сельских агломераций Полоцкой низины оно достигает 70–75%, до 82% – в ландшафтах между Браславскими грядами и Ушачско-Лепельской возвышенностью. Несколько ниже заболоченность в ландшафтах с всхолмленным рельефом (Свенцянские и Браславские гряды, Городокская и Ушачско-Лепельская возвышенности и др.) – 58–66%. Менее всего переувлажнены культурные ландшафты в юго-восточной части Белорусского Поозерья (Оршанский и Витебской возвышенности, Чашникской и Горецкой равнины и др.). Результаты группировки ландшафтов по этому показателю представлены на рисунке 1. По данным почвенных обследований, 38,8% пахотных земель избыточно увлажнено. Избыточная увлажненность отрицательно сказывается на урожайности большинства сельскохозяйственных культур, но особенно – озимых зерновых и пропашных [4]. Поэтому экономическая эффективность производства сельскохозяйственной продукции напрямую будет зависеть от уровня соответствия конкретной территории требованиям культивируемых культур. Осуществить подобное на уровне административных районов очень пробле-

матично по ряду причин. Выход из создавшейся ситуации мы видим в использовании регионального ландшафтного подхода.

Окультуривание почв неотделимо от процесса использования мелиорированных угодий и начинается после осушения земель, выполнения культуртехнических работ и работ по рекультивации земель. Это одно из важнейших условий формирования культурных ландшафтов. Сюда входят такие работы, как внесение органических и минеральных удобрений, углубление пахотного горизонта; улучшение структуры почв; накопление гумуса и создание условий бездефицитного баланса органического вещества почвы. Сведения по окультуриванию почв и в связи с этим повышению их бонитета в разрезе групп культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского Поозерья представлены в таблице 1. Правильное использование почв, внесение необходимых доз удобрений, разложение корневых и пожнивных остатков способствует росту содержания гумуса, улучшаются водно-физические свойства и оструктуривание [5].

При осушении минеральных переувлажняемых почв с небольшим по мощности гумусовым слоем (их около половины) происходит неизбежное перемешивание его с подстилающей породой, извлекаемой при строительстве каналов и траншей для дренажа. При этом отмечается заметное ухудшение водно-физических свойств почвы в сравнении с ее состоянием до строительства мелиоративных систем. Происходит это потому, что разрыхленный грунт подстилающей породы при интенсивных осадках колыматрирует почвенные поры и эффективность дренажа в начальный период невысока [6,7].

Необходимость поиска научно обоснованного подхода к культурным ландшафтам Белорусского Поозерья вызвана и проявлением здесь большого числа неблагоприятных факторов и процессов. По сравнению с другими природными регионами культурные ландшафты Белорусского Поозерья отличаются самыми сложными условиями ведения сельского хозяйства [2]. Самым негативным является то, что в структуре пахотных площадей глееватые и глеевые почвы занимают подавляющее большинство, что сопряжено со значительными недоборами урожая и невозможностью выполнения сельскохозяйственных работ в оптимальные сроки без осушительных мелиоративных систем [8,9]. На втором месте мелкоконтур

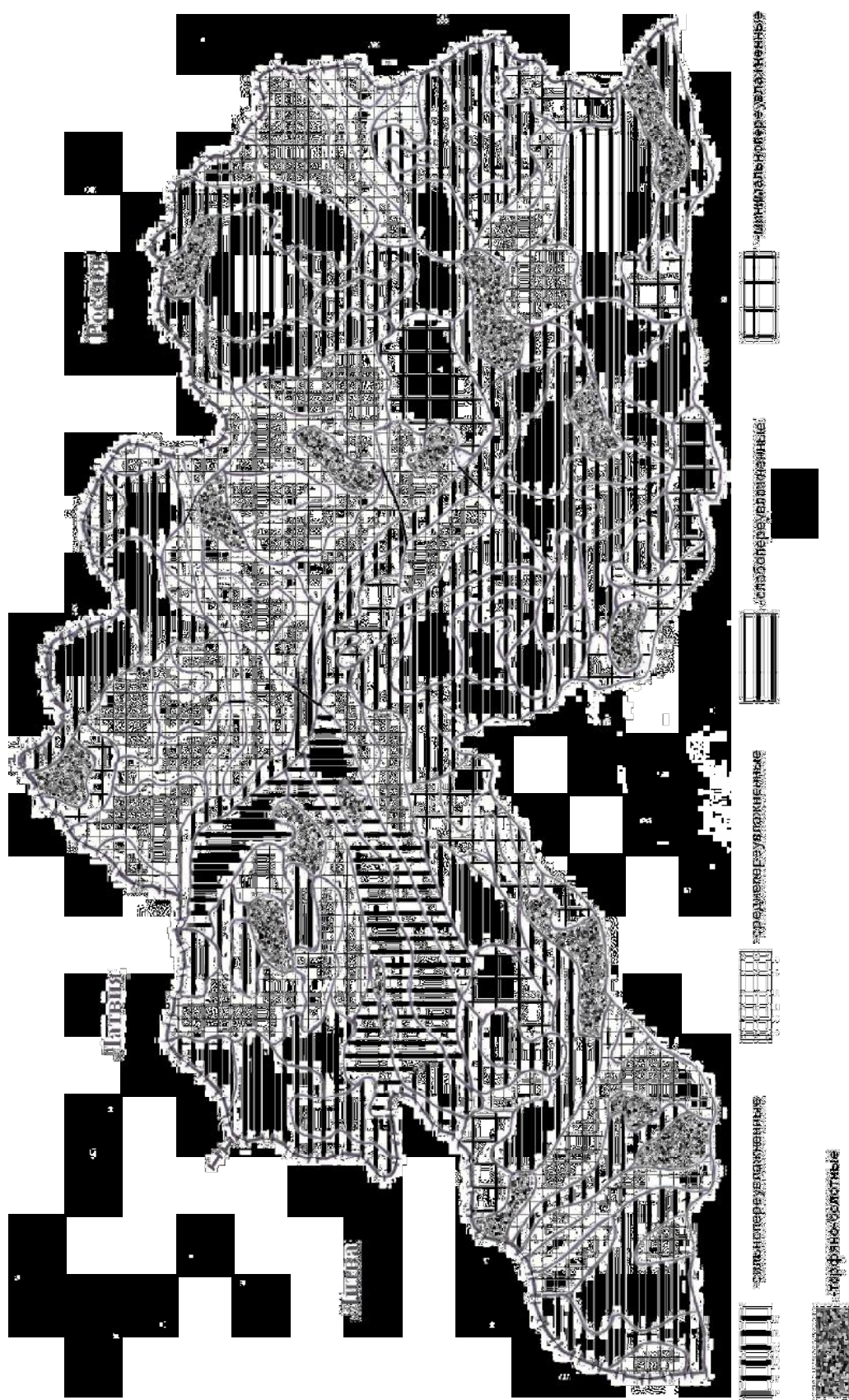

Рис. 1. Картохема переувлажненности почв культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского Поозерья

Фонд переувлажненных земель культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского Поозерья, тыс. га

[illegible]

ность сельскохозяйственных угодий [2, 3, 9]. В первую очередь это относится к группам культурных ландшафтов севера Чашникской равнины, Браславской гряды, восточнее Свентянских гряд, Нещердовско-Городокской возвышенности, севернее Свентянских гряд, Заборской и Ушачской возвышенностей Белорусского Поозерья (рисунок 2). В целом по Поозерью он составляет 3,9 га (в республике – 7,0 га). Примерно в таком же соотношении находится и средний размер контура пашни в Поозерье – 6,2 га (Беларусь – 12,0 га).

Отрицательное влияние мелкой контурности на продуктивность пашни культурных ландшафтов сельских агломераций объясняется тем, что при этом сильно увеличивается удельный периметр поля, то есть увеличивается протяженность границы (края), приходящейся в среднем на 1 гектар. Исследования показывают, что по краю поля урожайность сельскохозяйственных культур как правило, ниже, чем в середине, и связано с концентрацией здесь многих отрицательно влияющих факторов [2, 9]. Это сильное уплотнение почвы на полосах разворота сельскохозяйственных машин и агрегатов, избыточная увлажненность у границ с заболоченными и западными местами, нарушение почвенного покрова при строительстве каналов и дорог, затененность посевов примыкающей древесно-кустарниковой растительностью, порча прилегающих к неукрепленным дорогам посевов в ненастье и распутицу др. Отрицательное косвенное влияние мелкой контурности на снижение урожая проявляется в том, что при этом сильно ухудшаются технологические условия проведения полевых работ, а это зачастую приводит к снижению качества обработки почвы и недобору урожая [3].

Третью позицию занимает завалуненность почв, весьма широко распространенную среди культурных ландшафтов сельских агломераций Поозерья (рисунок 3). Удельный вес завалуненных площадей и степень покрытости их камнями зависят от генезиса почвообразующих пород. Если в целом по Беларуси завалуненность почв составляет 9,4%, то в исследуемом регионе, где сильно распространены моренные отложения, она достигает 12,4% [10].

Завалуненность определяется, в основном, генезисом и гранулометрическим составом почвообразующих пород. Засоренность пашни культурных ландшафтов камнями приводит к потере до 15% полезной площади, спо-

собствует развитию сорняков, снижает производительность сельскохозяйственных машин до 25%, увеличивает себестоимость полевых работ, ухудшает качество обработки почв и таким образом ведет к снижению урожайности сельскохозяйственных культур необходимости дополнительных трудовых ресурсов, соответствующей техники и индивидуального подхода

Недобор урожая, вызванный завалуненностью пахотных угодий культурных ландшафтов Белорусского Поозерья, составляет около 5% [3]. Наибольший недобор урожая, вызванный завалуненностью пахотных земель, наблюдается в пределах культурных ландшафтов мелкохолмистых, мелкохолмисто-грядовых, платообразных и крупнохолмисто-грядовых моренных возвышенностей, где он составляет от 6 до 10%. Такие виды ландшафтов располагаются преимущественно в южной части Белорусского Поозерья – в районах распространения моренных отложений. Их завалуненность обусловлена генетическим и гранулометрическим составом почвообразующих пород.

Регион выделяется и сильной холмистостью рельефа. Здесь около 70% пашни приурочено к склонам разной крутизны, которая способствовала проявлению процессов водной эрозии почв. Развитию эрозии почв благоприятствует сильная расчлененность рельефа в сочетании с большим количеством осадков. Эрозионные процессы получили наибольшее развитие в культурных ландшафтах с холмисто-моренным рельефом (рисунок 4), где 15–20% пахотных земель подвержено эрозии [10]. При этом 35–40% площади эродированных почв представлено средне- и сильно эродированными. Материалы почвенно-эрозионного обследования свидетельствуют, что в Белорусском Поозерье эрозии подвержено свыше 11% пашни (в других регионах – 7,3%, по республике – 8,1%) [10]. По данным БелНИИ почвоведения и агрохимии, снижение урожайности различных культур на эродированных почвах составляет от 5–20% на слабосмытых и до 30–60% на сильно смытых почвах. Несомненно, решение этого вопроса на уровне административного района, области не даст желаемых результатов. Выход из создавшегося положения возможен лишь при использовании ландшафтного подхода с учетом самых новейших научных разработок.

На снижение урожайности сельскохозяйственных культур заметное влияние оказывают и такие характерные для Поозерья факторы,

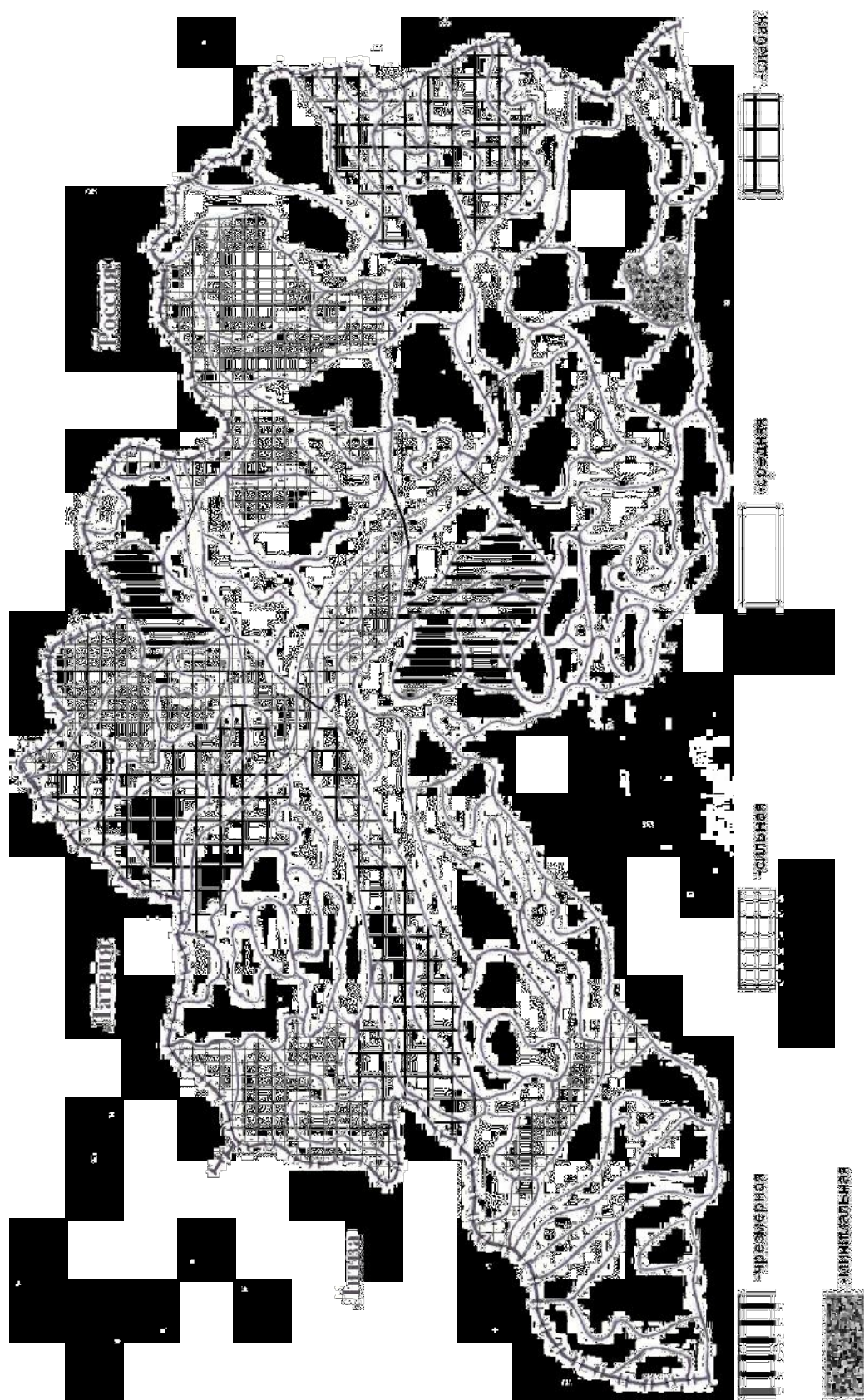

Рис. 2. Картограмма мелкоконтурности угодий культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского Поозерья

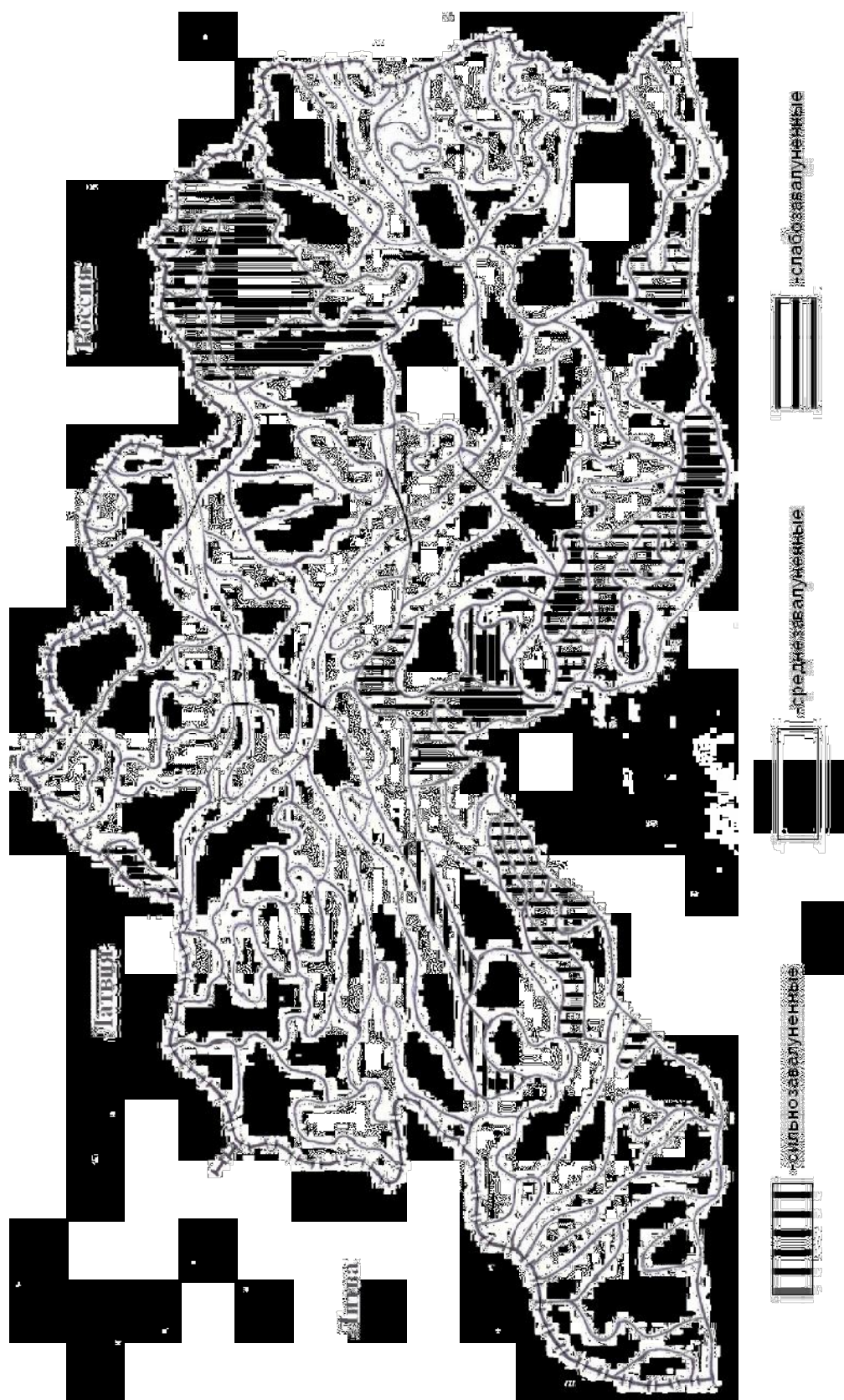

Рис. 3. Картохема заваляненности пашни культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского Поозерья

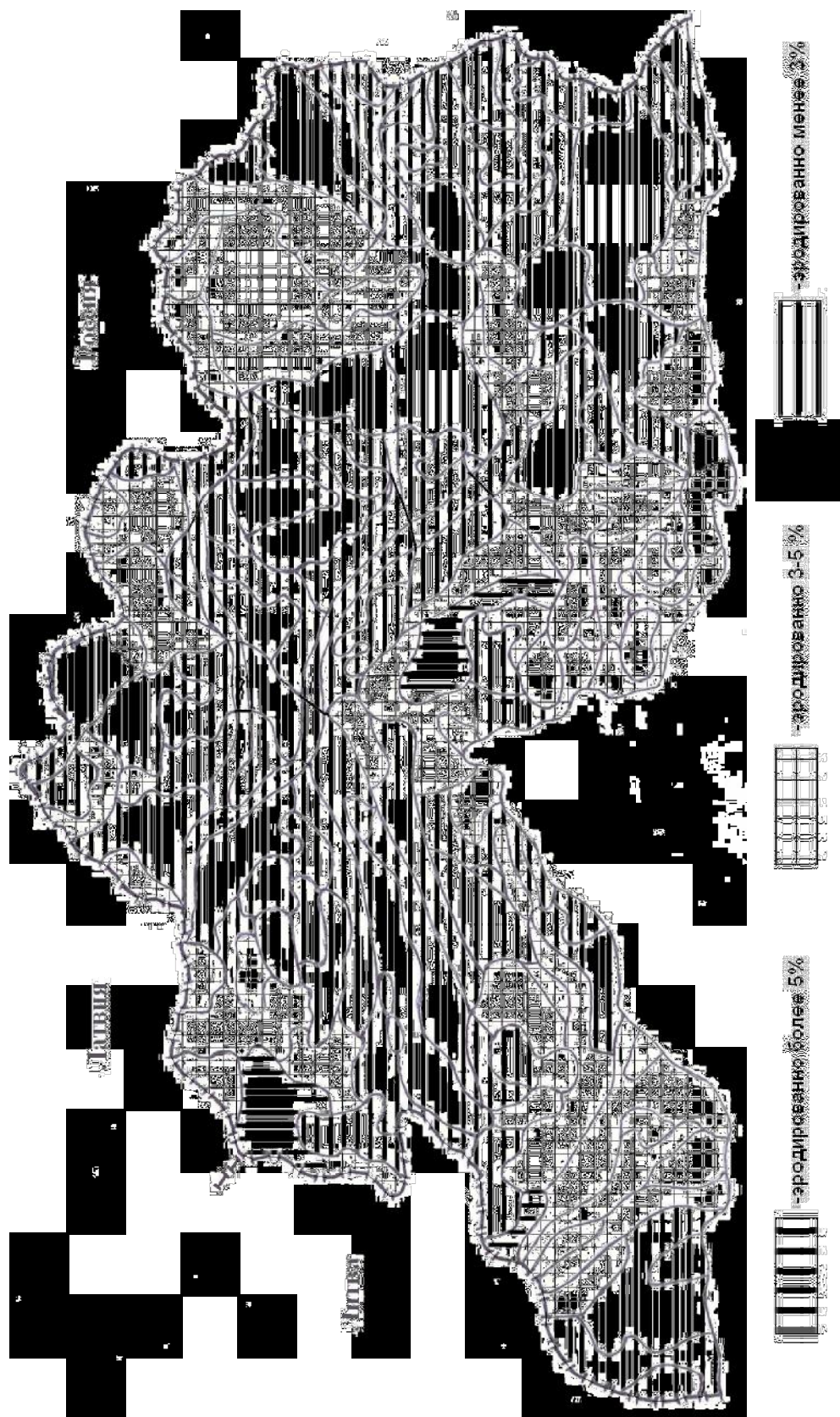

Рис. 4. Картохема эродированности пахотных уголй культурных ландшафтах сельских агломераций Белорусского Поозерья

как пестрота (неоднородность) почвенного покрова в пределах полей и отдельно обрабатываемых земельных участков сложная конфигурация полей, наличие кислых почв (39,8% площади пашни), почв с низким содержанием гумуса, слабо обеспеченных фосфором и калием. К этому надо добавить и то, что значительные площади пахотных земель удалены на большое расстояние от хозяйственных центров и населенных пунктов, плохо обеспечены дорожной сетью [11].

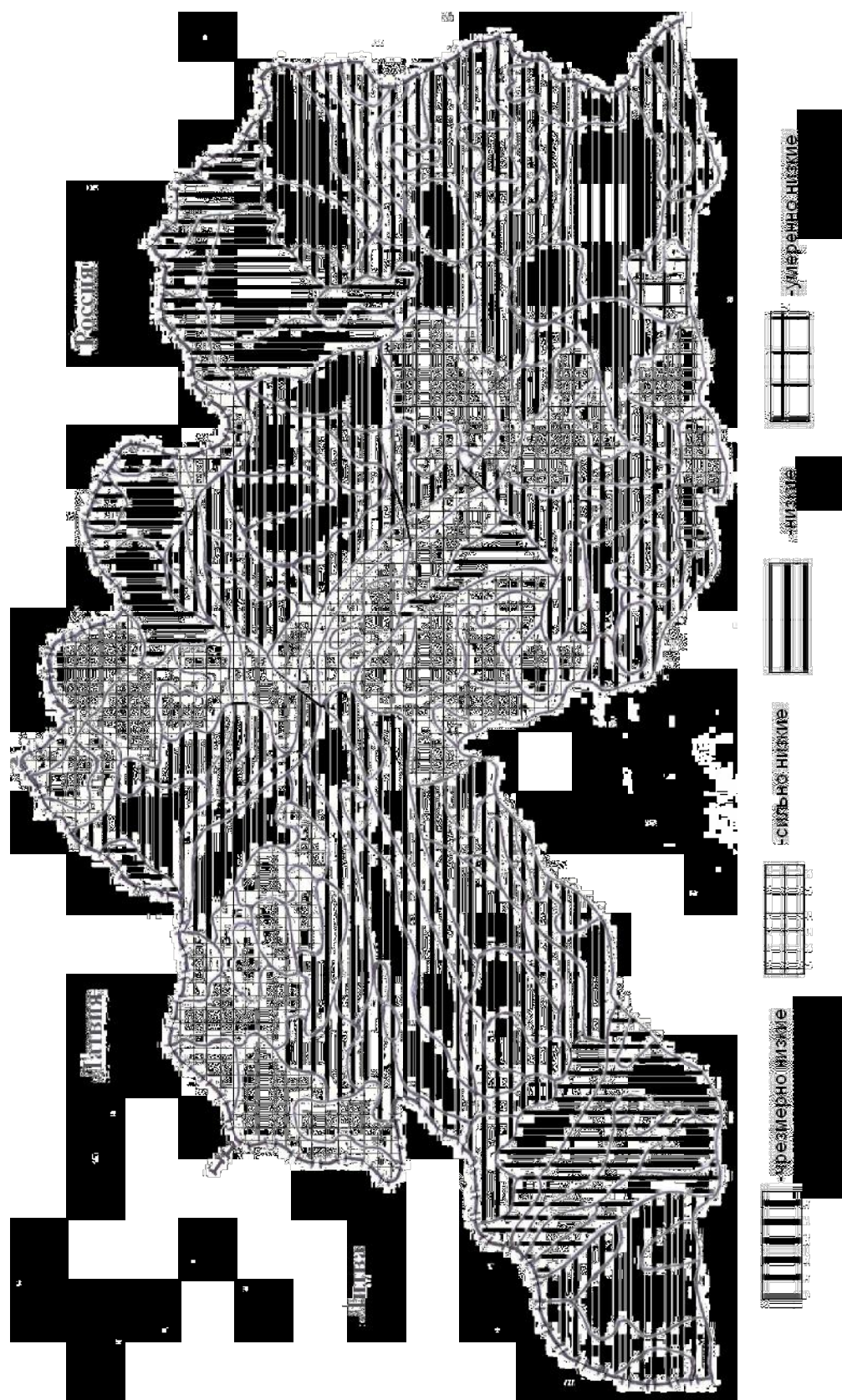
Приведенные выше факторы в совокупности предопределяют и менее благоприятные технологические свойства земель, характеризующиеся признаками, непосредственно влияющими на производительность сельскохозяйственной техники и в итоге на экономическую эффективность регулирования культурных ландшафтов Белорусского Поозерья. Культурные ландшафты региона имеют значительно худшие технологические условия производства сельскохозяйственной продукции по сравнению со средними республиканскими показателями. Средняя длина рабочего гона пашни здесь составляет, согласно паспортизации полей, 350 м, в республике же она равна 510 м [11]. Существенно различаются и обобщенные поправочные коэффициенты к сменным нормам выработки на полевые работы, учитывающие в совокупности влияние на производительность труда таких факторов как угол склона, конфигурация, изрезанность препятствиями, избыточная увлажненность и др.

По материалам паспортизации полей культурных ландшафтов сельских агломераций была произведена оценка технологических свойств пашни региона по благоприятности выполнения полевых работ при возделывании сельскохозяйственных культур по сравнению с оптимальными (эталонными) условиями. Затраты на выполнение полевых работ в эталонных ландшафтах Беларуси приняты за единицу. Естественно, с усложнением условий показатели затрат (индексы затрат) будут возрастать обратно пропорционально сменным нормам выработки на полевые механизированные работы в зависимости от рабочей длины, удельного сопротивления почвы и величины обобщенных поправочных коэффициентов, учитывающих влияние других факторов [11]. Расчеты показывают, что трудоемкость выполнения полевых работ в Поозерье в целом в 1,6 раза выше оптимальных условий, в республике - 1,35 раза. По отношению к сред-

ним условиям регионов республики в Поозерье трудоемкость использования культурных ландшафтов из-за низких технологических характеристик пашни в среднем выше в 1,25 раза, а при возделывании картофеля в 1,3 раза. И это только из-за технологических характеристик земель при одинаковой структуре машинно-тракторного парка. А если добавить, что на больших полях с хорошей конфигурацией можно интенсивнее использовать энергосыщенную с широкозахватными орудиями технику, то различие становится еще более значительным. Агротехнологические свойства обрабатываемых земель культурных ландшафтов региона представлены на рисунке 5.

Они выступают интегральным показателем соответствия природной основы культурного ландшафта производительным силам, т.е. эффективность применения сельскохозяйственных машин и орудий. Исследования показывают, что самые неблагоприятные агротехнологические свойства у ландшафтов Городокской возвышенности, Свенцянских гряд, Ушачской Лепельской возвышенности, Браславских гряд. В целом почвенно-климатические и технологические условия сельскохозяйственного производства в культурных ландшафтах сельских агломераций Белорусского Поозерья 1,5 раза менее благоприятны, чем в среднем по республике. Сделанный вывод позволяет нам утверждать, что на фоне стремительного подорожания энергоресурсов эффективность сельскохозяйственного производства в регионе будет оставаться зависимой как от объективных, так и субъективных факторов. Не стоит питать надежды на фермерские хозяйства, приватизацию земли, зарубежные инвестиции – они «локомотивом» управления культурными ландшафтами не станут [12,13].

Почвенно-экологическая неоднородность полей снижает степень их окультуренности, уменьшает эффективность использования средств химизации, вызывает потери минеральных удобрений из-за смыва поверхностным стоком. Наряду с экономическими издержками усиливается вероятность загрязнения окружающей среды, усугубляется экологическая проблема. Крайне важен и чисто агротехнический аспект, т.к. на различных по гранулометрическому составу и увлажнению почвах культурных ландшафтов различаются и сроки наступления мягко-пластичного состояния, сроки «созревания» [14]. Это значительно усложняет выполнение весенних полевых работ в

оптимальные сроки в культурных ландшафтах. Отрицательно то, что различные почвы обуславливают различие в динамике роста и сроках созревания возделываемых культур. Отсюда большие трудности с соблюдением оптимальных сроков уборки.

Пестрота почвенных условий Белорусского Поозерья объективно снижает возможность достижения полной реализации производительного потенциала культурных ландшафтов сельских агломераций. Ситуация несколько может улучшить обоснованный переход от крупнопольных классически схематизируемых севооборотов в культурных ландшафтах к адаптированной системе земледелия. У различных сельскохозяйственных культур существуют различные требования к условиям почвенной среды, разное реагирование на пестроту почв и почвенно-экологические условия.

Суть системы состоит в том, что на пахотных землях культурных ландшафтов формируются сравнительно однородные по почвенно-экологическим условиям и удовлетворяющие по размерам технологическим требованиям рабочие участки, подбираются для каждого из них культуры, которые лучше адаптируются к данным почвенно-экологическим условиям и с большей эффективностью реализуют свой биологический потенциал. Однако практика показывает, что все это необходимо подчинять развитию крупного товарного производства, которому нет альтернативы [12, 13].

В то же время, полученная в результате поучастковой кадастровой оценки система показателей, характеризующих природную основу, как главное средство производства при формировании культурных ландшафтов, является важной информационной основой для решения вопросов, связанных с повышением эффективности регулирования культурными ландшафтами сельских агломераций. Однако принятый в кадастровой оценке земель подход справедлив для капиталистического способа производства. При государственном регулировании, в целях обеспечения продовольственной независимости, доход для разнокачественных культурных ландшафтов требуется выравнивать. Наиболее правильное решение проблемы заключается в использовании двухуровневого подхода: первый – региональный (за счет уточнения специализации сельскохозяйственного производства и собственных финансовых средств и др.), второй – республиканский (за счет инвестиций, кредитов, закупочных цен и

др.). Эти важные выводы имеют прямой выход на районирование культурных ландшафтов сельских агломераций, и определяют необходимость наличия такого таксона как «государство» и его главенствующую роль. Районирование культурных ландшафтов сельских агломераций целесообразно осуществить не только в разрезе отдельно взятого региона, а также по всем регионам и Беларуси в целом.

С государственной точки зрения проведение такой работы послужит основанием для разработки концентрированной долгосрочной экономической политики регулирования культурных ландшафтов сельских агломераций Беларуси. Поэтапное вложение государственных денежных средств в конкретном регионе, в первую очередь в районы культурных ландшафтов с наилучшими условиями, мы получим их более быструю окупаемость. В последующем полученная прибыль направится на развитие уже групп с хорошими условиями. При экономическом обосновании возможен и варианты их присоединения к динамически развивающимся районам культурных ландшафтов сельских агломераций. Предлагаемая концентрация государственных денежных средств в границах ландшафтно-района позволит сконцентрировать внимание не только на производстве продукции, но и необходимости развития предприятий в средних и малых городах по переработке местного сельскохозяйственного сырья.

Выводы:

- культурным ландшафтам Поозерья свойственна наибольшая неустроенность земельных угодий в республике. Территория региона значительно переувлажнена, а в ряде районов заболоченные сельхозугодья составляют 70–82%. Заболоченность пахотных земель в среднем составляет 40 %, а в северо-западной части переувлажненная пашня превысила половину (50–55%);
- в регионе происходит ускоренное закустаривание сельхозугодий культурных ландшафтов, ежегодно – на 1–2%, а площади, покрытые кустарником, уже превысили полмиллиона гектаров, что больше всех закустаренных угодий культурных ландшафтов Беларуси. Пестрота почв, мелкоконтурность угодий, пересеченность рельефа способствуют неравномерному созреванию почв, усложняют своевременный посев и уборку урожая;
- темпы мелиорации земель в регионе значительно опережали возможности окультуривания почв и повышения их плодородия, что

сдерживало достижение планируемой продуктивности культурных ландшафтов. Проводившаяся повсеместная мелиорация земель в прошлом веке противоречила экологическим принципам формирования культурных ландшафтов и незамедлительно проявилась на их общей экономической эффективности (не учет наличия трудовых ресурсов в хозяйствах, осушение земель с низким потенциальным плодородием, невозможность многих хозяйств (по разным причинам) обеспечить окультуривание осушенных земель и их эффективное использование);

• социально ориентированная экономика государства требует развития Белорусского Поозерья через развитие всех других регионов Беларуси. Это возможно осуществить через районирование культурных ландшафтов сельских агломераций первоначально в разрезе каждого отдельно взятого региона, затем всей республики. Наличие такого районирования должно стать основой для разработки концентрированной долгосрочной экономической политики эффективного использования культурных ландшафтов сельских агломераций.

Библиографический список

1. Государственный Земельный кадастр Республики Беларусь (по состоянию на 1 января 2002 г.). – Мн., 2001. – 98 с.
2. Пилецкий И.В. Терия, факторы и процессы, формирующие культурные ландшафты сельских агломераций (на примере Белорусского Поозерья) / И.В. Пилецкий, Монография. – 2004, – С.90–136.
3. Аношко В.С. Белорусское Поозерье: анализ эколого-мелиоративного состояния. / В.С. Аношко [и др.] – Мн.: Университетское, 1992. – С. 5–11; 79–83; 87–92;
4. Смян Н.И. Пригодность почв БССР под основные сельскохозяйственные культуры / Н.И.Смян - Мн.: Ураджай. 1980. – 175 с.
5. Пилецкий И.В. Влияние трансформации торфяников на водный режим почв /И.В. Пилецкий // Мелиор. переувлажн. почв. – Мн.: Изд.БелНИИМВХ. 1992. – С. 104–108.
6. Пилецкий И.В. Водопроницаемость глубоковспаханного мелкозалежного торфяника / И.В. Пилецкий // Гидромелиорация и гидротехническое строительство. – Львов.: Выща школа, 1989. Вып.17. – С. 38–42.
7. Пилецкий И.В. Оценка роли мелиорации в формировании культурного ландшафта Белорусского Поозерья / И.В. Пилецкий // Веснік ВДУ. Навуковы часопіс. – 1997. – №3 (5). – С. 90–93.
8. Пилецкий И.В. Проблемы использования почв культурных ландшафтов Белорусского Поозерья на рубеже столетий / И.В. Пилецкий // Мат. 2-го съезда белор. общества почвоведов в 3-х кн. Кн.3 Мн., 2001. – С. 120–123.
9. Пилецкий И.В. Современные проблемы использования земель культурных ландшафтов Белорусского Поозерья на примере Докшицкого района / И.В. Пилецкий // Тр. междунар. научн.-техн. конф. - Новополоцк, 2001. – С. 180–185.
10. Пилецкий И.В. Проблемы эрозии пахотных земель Белорусского Поозерья / И.В. Пилецкий, И.В. Гец // Веснік ВДУ. – 1998, № 3 (13). – С. 100–106.
11. Кадастровая оценка земель сельскохозяйственных предприятий и крестьянских (фермерских) хозяйств. – Мн., 2000. – 137 с.
12. Пилецкий И.В. Сравнительный анализ форм хозяйствования АПК Беларуси и России в новых экономических условиях / И.В. Пилецкий //Агроэкономика. – Мн., 2003. – № 7. – С. 3–7.
13. Пилецкий И.В. Агропромышленные комплексы Беларуси и России в новых экономических условиях хозяйствования / И.В. Пилецкий // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. аграр. навук. – Мн., 2003. – № 3. – С. 25–32.
14. Нацыянальны Атлас Беларусі, Камітэт па зямельным рэсурсам, геадэзіі і картаграфіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь.– Мн., 2002. – 292 с.

Ю.Ю. Ковалев (г. Екатеринбург)

ИННОВАЦИОННЫЕ РЕГИОНЫ ЕВРОПЫ

Kovalev Y.Y.

Innovative regions in Europe

Аннотация. В статье рассмотрены современные особенности и перспективы инновационного развития регионов зарубежной Европы.

Abstract. The article deals with modern features and perspectives of innovation development of the regions of Europe overseas.

Ключевые слова: Европа, инновационные регионы, социально-экономическое развитие.

Key words: Europe, innovative regions, socio-economic development.

Среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на экономическое и социальное развитие стран и регионов мира, инновации занимают, на сегодняшний день, пожалуй, одно из ведущих мест. За последние почти 100 лет их роль в хозяйственном развитии была подтверждена исследованиями теоретическими работками Й. Шумпетера (1911 г.), Кондратьева (1926 г.), Р. Солоу (1956 г.), А. Хиршмана (1967 г.), П. Ромера (1990 г.) и ряда др. ученых. Согласно их теоретическим выводам, инновации в виде технологических новшеств, наряду с капиталом и трудовыми ресурсами, являются главной составляющей экономического роста территорий. Прогресс не мыслим без качественных изменений в технологии производства товаров и в самой продукции. Эндогенное региональное развитие должно опираться на развитую систему производства технологических новшеств.

Начиная с 1970-х годов в отраслевой структуре хозяйства развитых государств наблюдаются процессы сокращения доли материало- и трудоемких производств. Одновременно возрастает доля отраслей обрабатывающей промышленности, опирающихся на постфордистские принципы организации, с интегрированной системой НИОКР. В 1990-х гг. тенденции увеличения наукоемкости промышленного производства продолжились. Бурное развитие получили отрасли с высокими отчислениями на НИОКР (биотехнологии ИКТ-сектор, экотехнологии). Темпы роста численности занятых и оборота капитала компаний этих отраслей имели одни из самых высоких показателей в промышленности ряда развитых государств. В третичном секторе увеличивалась доля занятых в т.н. знаниеинтенсивных услугах, предъявляющие высокие требования к квалификации работников. Среди них, бизнес-ориентированные услуги (финансовый сектор, аудит консалтинг) демонстрировали наибольший рост.

Наблюдаемые изменения в народных хозяйствах развитых стран свидетельствуют о все большей «интеллектуализации» человеческой деятельности, повышении роли знаний в хозяйственном и социальном развитии регионов. Широко пропагандируемая в нашей стране инновационная модель экономического развития стала, в действительности, приоритетной целью и стратегией уже для многих регионов мира.

В 1980–1990 гг. в научном дискурсе по инновационному развитию стали доминировать темы, связанные с пространственными особенностями производства и диффузии инноваций. Главной задачей региональной науки стало объяснение причин неравномерного территориального развития инновационной деятельности и поиска методов ее стимулирования. Исследования сконцентрировались в изучении разнообразных региональных факторов, воздействующих на генерирование и распространение инноваций, на рамочных условиях территорий. Следует лишь отметить работы по национальным инновационным системам (НИС) (Фриман 1987 г., Лундвал 1992, Нельсон и Розенберг 1993), объясняющие страновые различия в уровне развития инновационного комплекса в неодинаковых институциональных условиях, различными ресурсными показателями НИОКР, степенью взаимодействия государственных частных и общественных структур. Развитие инновационной системы страны, по их мнению, зависит от целого ряда эндогенных факторов, среди которых государственная научно-технологическая политика занимает одно из важнейших мест.

В 1990-х гг. в рамках теории национальных инновационных систем появляются работы по региональным инновационным системам (РИС) (Лундвал 1992, Автио 1998, Кук 2000). В них внимание уже акцентируется на региональных различиях в уровне развития инновационной деятельности внутри политико-адми-

нистративных границ государств Главная причина пространственной асимметрии – территориальные различия в уровне развития промышленного производства и системы НИОКР страны. Также наличие т.н. некодифицированных знаний (tacit knowledge) влияет на пространственную локализацию инновационных акторов и концентрацию их лишь в отдельных регионах. Трансфер такого типа знаний возможен лишь на уровне личной коммуникации основанной на доверии и общих целях. Это, в свою очередь, осуществимо лишь в пространственной близости акторов, когда становится возможным их устное общение. Некодифицированные знания, носителями которых являются региональные институты, служат, таким образом, одним из «противовесов» глобализационным тенденциям в мире, фактором регионализации пространства.

Согласно основным положениям теории РИС, региональная инновационная система представляет собой территориальную сеть фирм и организаций (научно-исследовательских, административных, специализированных и др.) региона, взаимодействующих между собой в рамках инновационного процесса (Автио 1998). Она состоит из двух подсистем – во-первых, из подсистемы производства и трансфера знаний, в которую входят исследовательские и управленческие организации; во-вторых, из подсистемы адаптации и трансформации знаний, в которых происходит превращение знаний в коммерческий товар (промышленные предприятия, компании сферы услуг и т.д.). Части этой системы «включены» в общий региональный социально-экономический и культурный контекст, тесно связаны между собой, посредством интенсивных коммуникаций в виде циркуляции знаний, информации, материальных ресурсов и т.д. В ней конкурентоспособность отдельных фирм и предприятий неразрывно связана с конкурентоспособностью всей региональной системы. Изменения одного из элементов системы (например, ошибочные установки на политико-административном уровне или недофинансирование высших школ) могут привести к комплексным реакциям, которые неминуемо приведут к изменениям в архитектуре системы и негативно отразятся на ее конкурентоспособности.

Образование региональной инновационной системы представляет собой эволюционный процесс. Ее развитие неразрывно связано с эволюцией производственно-технологической си-

стемы региона. На основе аккумуляции адаптации знаний, интерактивных процессов обучения в ограниченной территориальной сети региональных учреждений (относящихся к производственным, исследовательским, образовательным и политическим структурам), создаются условия для развития инновационного процесса, от которого выигрывает весь регион. В региональной инновационной системе огромную роль играют региональные формальные и неформальные институты. Политической системе региона отводится большое влияние на вектор и скорость технологических изменений. Способность к адаптации региональных институтов к изменившимся внешним условиям – ключевой фактор для стабильного развития инновационной системы. Также, по мнению П. Кука (2000), доминирующей модели социальных отношений в регионе, его культура, нормы и традиции населения оказывают благоприятное или негативное воздействие на РИС. Социальный капитал региона (наряду с физическим и гуманитарным капиталом) оказывает прямое влияние на показатели функционирования РИС.

Концепция РИС оказала огромное влияние на дальнейшее развитие научных исследований в этой области. Публикуются работы по изучению т.н. «мягких» факторов региона: институциональных условий, социальных отношений, уровней взаимодействия региональных структур, традиций, норм, культуры регионов. Среди них можно отметить работы А. Саксениан (1994 г.) по исследованию особенностей сетевого взаимодействия между компаниями в Силиконовой долине и в инновационном кластере «Шоссе 128»; работы итальянского профессора Р. Камагни (1991–2006) по инновационной среде (milieu) в регионах Италии; публикации английских исследователей К. Моргана и П. Кука, изучавших влияние социального капитала на развитие территорий; работы М. Портера по региональным кластерам и др.

На основе анализа многочисленных концепций по инновационному развитию регионов можно сделать следующие выводы:

1. Инновационный процесс характеризуется неравномерным пространственным развитием и сконцентрирован в отдельных регионах мира;

2. Пространственная дифференциация инновационного процесса есть следствие неравномерного территориального развития производственно-технологических и научно-исследовательских систем.

3. Развитие инноваций невозможно без интенсивной кооперации и сотрудничества между инновационными акторами. Они представлены в форме региональных университетов, частных производственных компаний, НИИ, административных органов;

4. Кооперация и сотрудничество региональных акторов формируют целую систему связей внутри региона, происходит становление региональной инновационной системы;

5. Уровень развития региональных инновационных систем неодинаков и имеет специфические региональные характеристики, которые невозможно определить с помощью ряда показателей;

6. На развитие региональных инновационных систем огромное влияние оказывает уровень социальных отношений, нормы и традиции региона, а также проводимая региональная политика;

7. Регионы с высоким уровнем развития инновационных систем можно обозначить как инновационные регионы.

Научное понимание развития территориальных (региональных) инновационных систем еще находится в своей начальной стадии. Региональная наука пытается вывести общие закономерности эволюции, определить основные эндогенные и экзогенные факторы, влияющие на инновационный рост регионов. Однако, до сих пор, инновационные регионы считаются, в большинстве случаев, территориями особого развития, эволюционный путь которых настолько единичен и индивидуален, что сравнение, а тем более копирование их моделей развития другими регионами представляется невозможным. Не менее важен фактор «случайности» - когда, без особых на то причин, регион получает «толчок» к инновационному развитию (знаменитая «швабская трапеция», после которой г. Ульм (ФРГ) получил статус «города-науки»)¹.

Несмотря на эти возражения, сравнение регионов по уровню их инновационного развития необходимо. Это позволяет выявить слабые и сильные в инновационном развитии регионы, определить территории, которые требуют поддержки их инновационного комплекса. Для этой цели в ЕС разработана целая система показателей, оценивающих уровень развития региональных инновационных систем. В моем докладе я

остановлюсь более подробно на оценке инновационности европейских регионов, проведенной немецкими исследователями и охарактеризую отдельные регионы ЕС.

Инновационные регионы Европы

Огромные различия в уровне развития НИОКР и инновационных систем в Европе демонстрируют результаты исследования регионов ЕС, проведенного специалистами статистического департамента федеральной земли Баден-Вюртемберг. В 2006 г. они используя целый ряд показателей, произвели ранжирование регионов Европы по уровню развития их инновационного потенциала. В своем анализе они исходили из предположения, что ресурсный потенциал региона, а также эффективность функционирования инновационного комплекса отражают уровень развития региональной инновационной системы в целом. Регионы ЕС были ранжированы по 6 группам, с убывающими значениями показателями инновационной деятельности. Показатели были взяты в относительных единицах. На их основании, для каждого региона ЕС был рассчитан инновационный индекс, показывающий уровень развития инновационной системы региона. В расчетах использовались следующие показатели:

I. Ресурсные показатели

- Расходы на НИОКР относительно ВВП регионов;
- доля исследователей НИОКР по отношению к занятым в регионе;
- доля занятых в высокотехнологичных отраслях;
- доля занятых в знании и интенсивных услугах;
- доля занятых в научно-технической сфере;

II. Показатели функционирования

- Число патентных заявок на 1 млн. жителей региона.

В результате проведенных расчетов были выделены 6 групп регионов по уровню развития их инновационных систем:

Очень сильные инновационные регионы (Группа 1). В данную группу входят 3 региона (с показателями 68–60). Для них характерны высокие абсолютные и относительные расходы на НИОКР, большое число занятых, высокая

¹ Hilpert M. Regionaldarwinismus- Evolution von High-Tech-Regionen. Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. – 2001. – № 2.

доля частного капитала в финансировании и проведении научных исследований и разработок

Сильные инновационные регионы (Группа 2. Индекс 60–50). В эту группу входят такие страны как Швеция, Финляндия, отдельные регионы ФРГ. Скандинавские страны являются одними из ведущих в мире по развитию инновационного комплекса. Большое значение имеет сектор знания и интенсивных услуг.

Регионы с уровнем инновационного развития выше среднего (Группа 3) К данному типу относятся 11 регионов с инновационными индексами от 49 до 41. Большинство из них находится в Центральной и Западной Европе. Доля государств в проведении НИОКР заметно выше по сравнению с регионами первых двух групп. Отчисления от ВВП также уменьшаются.

Регионы среднего уровня развития (Группа 4. Индекс 40–30)

В эту группу входят 20 регионов ЕС. Среди них, группа стран Восточной Европы представлена лишь Словенией.

Регионы с низким и очень низким уровнем развития (Группы 5 и 6. Индекс менее 30)

Регионы относящиеся, в подавляющем большинстве, к периферии хозяйственной деятельности ЕС. Значительную долю в них занимают страны бывшего социалистического лагеря, которые еще не преодолели последствий «шоковой терапии» в начале 1990-х гг., с низкими относительными и абсолютными отчислениями на НИОКР, низкой долей частного сектора в развитии инноваций. Однако в них наблюдаются положительные тенденции, в основном за счет притока иностранного «исследовательского» капитала по линии сервисного офшоринга².

Обобщая, можно сказать, что Северная и Центральная Европа образуют форпост, центр инновационной деятельности ЕС. Эти страны концентрируют основные ресурсы НИОКР Европейского Союза, отличаются высокой долей инновационных компаний в промышленности и сфере услуг (60% и более). В них сосредоточены главные исследовательские центры и лаборатории крупных ТНК мира. Государство создает благоприятные условия для развития высоких технологий и знания интенсивных услуг. Огромные инвестиции в образование, НИОКР, инфраструктуру культуры региона – важнейшие предпосылки для привлечения в них

глобального венчурного капитала и высококвалифицированных специалистов. Но и внутри этих стран существуют огромные контрасты. В отдельных из них (Великобритания, Франция) наблюдаются большие различия среди регионов в уровне развития их инновационной деятельности. Наиболее слабые инновационные регионы ЕС концентрируются в крайней Западной, Южной и Восточной периферии Европы.

Баден-Вюртемберг – сильнейший инновационный регион Европы

Среди регионов ЕС немецкая федеральная земля Баден-Вюртемберг занимает первое место по уровню развития инновационной деятельности. Здесь, благодаря ряду факторов, сформировалась одна из конкурентоспособнейших инновационных систем мира. Широкая сеть государственных научно-исследовательских институтов и лабораторий, университетов и высших школ, промышленных компаний и предприятий сферы услуг создают основу для развития инноваций мирового уровня.

Регион обладает огромным научно-техническим потенциалом. По абсолютным затратам на НИОКР (14,2 млрд. евро) и численности занятых в них (110,5 тыс. чел.) он занимал в 2006 г. одно из ведущих мест в Европе. По относительным затратам (4,2% от ВВП) регион превосходит показатели США (2,6%) и Японии (3,2%), но уступает Швеции, Израилю и отдельным штатам США (New Mexico, Massachusetts, Maryland, Michigan). Регион – один из лидеров в Европе по регистрируемым патентным заявкам. В 2005 г. на 1 млн. жителей региона приходилось около 300 заявок, поданных в Европейское патентное бюро (средний показатель по ЕС – 70).

Основу инновационной системы региона образует производственный сектор. Крупные исследовательские центры Daimler AG, R. Bosch, IBM, Hewlett-Packard, SAP, Porsche и др. создают наибольшую долю инноваций региона. Они же на 80% обеспечивают финансирование региональных исследований и разработок Daimler AG – одна из крупнейших в мире компаний по затратам на НИОКР. Регион специализируется на автомобильном НИОКР и занимает по концентрации ресурсов в отрасли первое место в мире. Более 17% занятых в автомобильной промышленности региона составляют конструкторы, инженеры, исследователи

² Gluckler J., Service-Offshoring: globale Arbeitsteilung und regionale Entwicklungschancen. B: Geographische Rundschau. – 2008. – № 9. – С. 36–42.

Таблица 1

Ранжирование регионов ЕС по уровню инновационного развития

Ранг	Регион	Индекс	Ранг	Регион	Индекс
1.	Баден-Вюртемберг	68,5	35.	Шлезвиг-Гольштейн	33,7
2.	Берлин	60,7	36.	Испания Северо-Восток	33,2
3.	Иль-де-Франс	60,6	37.	Франция Восток	32,3
4.	Швеция	57,4	38.	Бранденбург	32,2
5.	Бавария	57	39.	Мекленбург-Передняя Померания	31,9
6.	Финляндия	56	40.	Франция Запад	31,4
7.	Гессен	53,9	41.	Уэльс	31,3
8.	Бремен	53	42.	Парижский район	30,7
9.	Дания	49,1	43.	Англия Юго-Запад	30,6
10.	Нижняя Саксония	47,4	44.	Шотландия	29,7
11.	Англия Юго-Восток	47,1	45.	Йоркшир и Хамберсайд	29,4
12.	Гамбург	46,1	46.	Северная Ирландия	29,2
13.	Англия Восток	45,7	47.	Чехия	29,1
14.	Люксембург	45,2	48.	Ирландия	28,4
15.	Австрия	43,4	49.	Венгрия	27,5
16.	Северный Рейн-Вестфалия	42,8	50.	Саксония-Ангальт	27
17.	Рейнланд-Пфальц	42,5	51.	Итальянские о-ва	26,9
18.	Франция Центр-Восток	42,4	52.	Испания Восток	26,9
19.	Саксония	41,1	53.	Англия Северо-Восток	26,5
20.	Тюрингия	39,8	54.	Франция Север	24,8
21.	Бельгия	39,5	55.	Италия Юг	24,6
22.	Саар	39,1	56.	Словакия	23,6
23.	Лондон	39,1	57.	Польша	23,3
24.	Нидерланды	38,2	58.	Заморские департаменты Франции	23,2
25.	Италия Центр	37,9	59.	Греция	22,3
26.	Италия Северо-Запад	37,8	60.	Испания Северо-Запад	21,7
27.	Франция Средиземноморье	37,4	61.	Эстония	20,9
28.	Мадрид	36,9	62.	Португалия	20,4
29.	Франция Юго-Запад	36,4	63.	Литва	19,8
30.	Англия Восточный Мидленд	35,9	64.	Кипр	18,8
31.	Словения	35,4	65.	Испания Центр	17,7
32.	Англия Северо-Запад	35,0	66.	Испания Юг	17,4
33.	Англия Западный Мидленд	34,1	67.	Латвия	16,5
34.	Италия Северо-Восток	34	68.	Канарские острова	15,4

Источник: Stuttgarter Zeitung № 268 20.11.2006

Значительную роль в развитии инноваций региона играет государственный сектор, представленный научно-исследовательскими институтами и университетами. В Баден-Вюртемберге насчитывается более 100 НИИ, 9 крупных государственных университетов и около 40 высших

школ. Они специализируются на фундаментальных и прикладных исследованиях. В регионе развиты механизмы трансфера инноваций между государственным и частным секторами. Для этих целей при университетах и НИИ созданы специальные структуры

«Иль-де-Франс – крупнейший инновационный центр Франции»

Регион Иль-де-Франс, охватывающий парижскую агломерацию, по праву называют Cite Scientifique – «город науки». Здесь сосредоточена большая часть национальных ресурсов инновационной системы страны. По числу исследователей количеству высших школ, научных центров, высокотехнологичных фирм, финансовым затратам на НИОКР, подаваемым патентным заявкам регион занимает лидирующее место во Франции и ЕС. Наряду с Силиконовой долиной, Бостоном и Токио, Иль-де-Франс входит в число крупнейших инновационных кластеров мира. В 2003 г. в НИОКР региона было занято 74 тыс. исследователей (40,6% исследователей страны), затрачено на развитие науки и технологий более 13 млрд. евро (38% финансовых затрат страны и 7% ЕС). Из региона в Европейское патентное бюро поступило около 6500 заявок, что составляло более 70% национальных заявок. По степени централизации научно-технической деятельности и концентрации ресурсов в одном регионе, Франция сравнима с такими государствами как Россия и Япония.

Париж уже со средних веков является крупным образовательным и научным центром Европы. До середины XIX в. он был центром мировой науки. Университеты и высшие школы, НИИ и сегодня играют важную роль в хозяйственном развитии города. По статистическим данным, в Париже 26% населения имеет высшее образование и занято в высококвалифицированных отраслях промышленности и сферы услуг (средняя по Франции величина 14,3%). Человеческий капитал сыграл решающую роль в трансформации хозяйства региона в 1990-х гг. и развитии здесь инновационных, наукоемких отраслей. По данным Ernst and Young, регион в период 1997–2002 г. занимал по притоку иностранных инвестиций 2 место в Европе. Инвестиции направлялись в развитие ИТ-сектора, биотехнологий, фармацевтики, авиационно-космической промышленности. В 2006 г. в Париже насчитывалось более 66 тыс. высокотехнологичных фирм. Производственные компании создают большую часть региональных инноваций. В 2003 г. они затратили на НИОКР более 9,8 млрд. евро (75% затрат региона). В них было занято 42 тыс. исследователей. Административные структуры города всячески поддерживают развитие здесь инновационных отраслей. В 1990-х гг. были приняты ряд

программ, стимулирующие трансфер знаний и технологий между государственными исследовательскими учреждениями и высокотехнологичными компаниями. Как показало дальнейшее развитие, они сыграли важную роль в деятельности многих компаний, особенно малого и среднего бизнеса.

Нужно отметить, что в степени развитии высоких технологий и высокостоймых услуг регион Иль-де-Франс опережает все другие регионы Франции. Его доля в численности, например, биотехнологических фирм страны составляла 55,7%, электроники – 49,3%, ИТ – 33%. Правительство страны пытается с начала 1970-х гг. сгладить сильные территориальные различия в размещении научно-технологического потенциала. Для этого была принята программа «Технополис», предусматривающая строительство научных, технологических парков по всей территории Франции. Технополисы должны были стать, одновременно и «моторами» экономического и социального развития регионов. С того времени технополисы стали неотделимой частью французского инновационного ландшафта. Размеры их различны: отдельные технополисы включают в себя несколько технологических парков (Монпелье), другие (Клермон-Ферран) – лишь один. В середине 1990-х гг. во Франции насчитывалось 34 технополиса, охватывающих 1964 научно-исследовательских центра, 58 университетов, 198 высших школ, 693 тыс. студентов, 119 тыс. исследователей и 260 тыс. занятых. Как правило, технополисы – это регионы с современной, постмодернистской архитектурой. Даже их названия отражают их необычность: Nantes-Atlantique, Futura Corse, Synergia, Sophia Antipolis, Cite Descartes и др. Успех программы неоднозначен. С одной стороны, налицо определенный прогресс: доля Иль-де-Франса в национальных затратах на НИОКР уменьшилась с 54,7% в 1976 г. до 38% в 2003; технополисы играют заметную роль в инновационном развитии регионов (в Sophia Antipolis создано более 25 тыс. рабочих мест в наукоемких отраслях (1999 г.); во многих из них действуют исследовательские центры и лаборатории крупных ТНК. С другой стороны, надежды на крупные финансовые инвестиции со стороны ТНК и превращение технополисов в нечто подобное американской Силиконовой долине не оправдались. Наиболее конкурентоспособным как и прежде, остается район Большого Парижа.

Новые «полюса роста» высоких технологий Мадрид, Ирландия, Люксембург, Словения

До наступления экономического кризиса, Мадрид был одной из наиболее динамично развивающихся европейских столиц. Начиная с середины 1990-х гг. город бурно рос как вверх, так и вширь. Новые, небольшие по размеру высокотехнологичные компании (start ups), стали быстро осваивать окраины Мадрида. Там, где раньше стояли старые жилые постройки, выросли новые многоэтажные офисы разнообразных международных и национальных компаний.

Одной из причины бурного развития города – приток иностранного инновационного капитала. Многие крупные зарубежные компании (Boeing, BP, Siemens, Alcatel, IBM, Merck, GlaxoSmith Klein и т.д.) создали в городе и его пригородах свои лаборатории, исследовательские и технические центры. Их привлекает наличие здесь высококвалифицированной мотивированной и недорогой рабочей силы. Выпускники технологических вузов страны охотно принимают предложения компаний, переезжают в Мадрид.

Мадрид интенсивно развивает свой инновационный сектор. Ежегодный прирост занятых в период 2002–2008 гг. превышал 4%. Вместе с Барселоной и Валенсией, Мадрид входит в испанскую часть т.н. «романской инновационной дуги» – «южный полюс» инновационного развития ЕС. «Романская дуга» включает, помимо испанской территории, технополисы Средиземноморья Франции, инновационные центры Лигурийского побережья Италии, Ломбардии и Тосканы. Многие эксперты рассматривают ее как будущий «противовес» инновационной оси Центральной и Северной Европы. Но, на сегодняшний день, об этом говорить еще рано.

То, что характерно для современного Мадрида, имело место 15 лет тому назад в Ирландии. В начале 1990-х гг. страна начала интенсивно развивать сектор высоких технологий. На первом этапе реформ правительство инвестировало огромные средства в развитие инфраструктуры, в среднее и высшее образование. Благодаря низким налогам, невысокой оплате труда, наличию добросовестных работников были созданы предпосылки для притока иностранного капитала. Крупнейшие фармацевтические концерны мира, компании ИТ-сектора, электроники, ведущие производители медицинской техники стали с начала 1990-х гг. важней-

шими работодателями в стране. Ирландия пережила в этот период настоящий экономический бум. На сегодняшний день по многим социально-экономическим параметрам (доход на душу населения, уровень безработицы, доля высоких технологий в национальном экспорте) Ирландия занимает одно из ведущих мест в Европе. В стране осуществляется второй этап реформ, направленный на усиление собственной научно-исследовательской базы, развитие инновационного сектора. Для этих целей в период 2001–2005 гг. были созданы 160 новых исследовательских групп по различным направлениям науки. Планируется удвоить к 2010 г. число защит диссертаций в естественных и технических науках. В инновационном развитии Ирландия опирается не только на внутренние ресурсы. В стране был учрежден «Science Foundation Ireland», занимающийся вопросами научно-технологического развития страны и другие фонды. Один из видов их деятельности заключается в вербовке иностранных ученых. Проводимая политика дала уже свои результаты – 34 из 160 сформированных исследовательских групп возглавляются иностранными исследователями. Руководитель «Science Foundation Ireland» является гражданином США. Вербуются не только ученые и специалисты, Ирландия заманивает к себе также молодежь, студентов из европейских и азиатских стран.

Люксембург – еще один пример региона Европы, который интенсивно развивает свой наукоемкий инновационный сектор. Благодаря ряду мер, принятых властями Люксембурга в 1980–1990-х гг., государству удалось избежать надвигающийся структурный кризис, через который прошли многих старопромышленные регионы Европы. В 1980-х гг. были реализованы программы, стимулирующие развитие в стране инновационных отраслей. Особое внимание уделялось развитию малых инновационных фирм, кооперации частного и государственного сектора, строительству новых исследовательских учреждений и т.д. В 1987 г. в рамках этих программ были построены три крупных научных центра. В 2006 г. экономика Люксембурга имела стабильный рост, низкую безработицу. Доход на душу населения здесь в два раза превышал среднеевропейский. Люксембург превратился в важнейший центр бизнес-ориентированных услуг. Наибольшую долю занимал финансовый сектор и страхование. В столице Люксембурга насчитывалось в

2008 г. около 200 банков. В стране размещены штаб-квартиры медиа-гиганта RTL и Amazon. Развиваются наукоемкие отрасли: информационные технологии, производство новых материалов, электронная индустрия и т.д. Продукция высокотехнологичных отраслей составляет 30% экспорта Люксембурга. Среди инновационных компаний особо выделяется SES Global, специализирующаяся на создании космических летательных аппаратов. Строятся новые исследовательские центры промышленных компаний. В 2007 г. компания Goodyear построила на юге страны свой центр НИОКР с числом занятых более 1 тыс. чел.

Рост инновационной деятельности наблюдается также и в Словении. Среди «новых» стран-членов ЕС, Словения обладает наиболее развитой инновационной системой. Так, при средних отчислениях на НИОКР по странам Восточной Европы 0,7% ВВП, затраты Словении превосходили 1,2%. По затратам на одного жителя (240 евро/чел.), Словения также занимала первое место в этой группе стран. Поразителен стремительный рост инновационных показателей страны: отчисления на НИОКР за последние 3 года выросли на 42%, число занятых увеличилось практически вдвое. Число заявок на патенты, поданных в ЕПБ выросло в период 1992-2003 гг. более чем в шесть раз. Правительство страны уделяет особое внимание развитию инноваций в частном секторе. Сегодня лишь 21% фирм в Словении относятся к инновационным. Это в два раза ниже, чем в среднем по ЕС. Задача руководства страны - довести долю инновационных фирм до средневропейского уровня. Одной из самых инновационных компаний Словении является электротехнический концерн «Gorenje». По затратам на НИОКР, концерн не уступает ведущим компаниям отрасли Западной Европы. Он главный экспортер продукции машиностроения страны. В компании занято более 10 тыс. чел.

Периферия инновационной деятельности ЕС

Уже прошло более 5 лет с того момента как 10 стран Восточной и Южной Европы были торжественно приняты в европейскую семью. В 2007 г. к ним присоединились Болгария и Румыния. Низкая оплата труда, небольшие налоги, дешевые коммунальные услуги сделали новые страны ЕС привлекательными для притока иностранных инвестиций. Экономика этих стран получила новый импульс. Ежегодный

прирост ВВП в них заметно выше, чем в большинстве стран Западной Европы. Несмотря на это, бурное развитие высокотехнологических отраслей промышленности здесь пока не наблюдается. Второго Бангалора на территории стран ЦВЕ до сих пор не удалось создать, несмотря на то, что часть сборочных операций и офшорного сервиса нашли в них свои новые штандорты. Одна из причин этого – огромные проблемы в системе НИОКР и образования стран ЦВЕ.

Развитие сектора науки и технологий в 1990-е гг. в странах Восточной Европы сталкивалось с теми же трудностями, что и в России и странах СНГ. Взятая на вооружение правительствами этих государств концепция первоочередного развития рынка, который затем должен был создать финансовые предпосылки для возрождения науки и техники, и надежда на привлечение частного капитала в НИОКР, во многом оказались несостоятельны. В это время наблюдался распад созданного в прежние годы государственного научно-технического сектора. Во-первых, резко сократилось финансирование научной-технической деятельности. В Польше уровень затрат упал более чем в два раза, в Чешской Республике и Словакии – в 6, Румынии и Болгарии – в 9 раз. Отчисления на НИОКР от ВВП стран Восточной Европы (одни из самых высоких в мире в 1980-х гг), сравнимы теперь с теми же в развивающихся странах. Болгария, например, с уровнем затрат в 2005 г. около 0,5%, отчисляла в 1989 г. – 2,7%, Венгрия – 2,3% (2005 г. – 0,9%), Польша – 1,2% ВВП (2005 – 0,5%).. Во-вторых, урезание объема финансирования повлекло за собой сокращение численности занятых в НИОКР. В то время как в странах Западной Европы число исследователей выросло на 70%, в странах Центральной и Восточной Европы оно сократилось в среднем на 40%, а в Чешской Республике – более чем на половину. Эмиграция исследователей приняла масштабный характер. Так, из Польши выехало за рубеж в период 1990-1996 гг. на постоянное место жительства около 10% научных работников в Болгарии – около 40%. В Румынии в 1996 г. в сфере науки и технологии работало лишь 44% научных сотрудников от уровня 1989 г. По причинам политического характера были расформированы целые институты общественного профиля, закрыты многие отраслевые и оборонные предприятия.

Можно, конечно, привести ряд аргументов в защиту проводимых правительствами этих

стран реформ научно-исследовательской системы. Существовавшая прежде административно-командная система управления инновационной деятельностью была малоэффективна. Отсутствие конкуренции в академической и вузовской науке порождало часто инертность среди научных сотрудников а отсутствие инновационного бизнес-сектора в промышленности делало, во многом, затруднительным внедрение новшеств в жизнь. По статистике по странам ЦВЕ, в целом, около 2/3 разрабатываемых и решаемых задач не доводились до хозяйственной практики. Научные исследования велись по слишком широкому кругу научных проблем. Происходило серьезное распыление средств. Так, огромное количество тем, исследуемых учеными Болгарии, приводило к тому, что в среднем над разработкой одной темы трудилось менее чем полтора исследователя. Научно-исследовательская система стран нуждалась в реформировании. Однако тот уровень распада научно-технического потенциала в странах Восточной Европы превзошел все ожидания.

С конца 1990-х гг. во многих странах Восточной Европы ситуация в системе НИОКР стабилизировалась: увеличились отчисления на исследования и разработки, росло число занятых. Некоторые высокотехнологичные ТНК разместили свои филиалы и исследовательские центры в этих странах. Так, американская компания IBM открыла свои центры в Братиславе, Будапеште, Кракове. Число ее сотрудников в странах Восточной Европы увеличилось в период

2003-2006 гг. с 2,9 тыс. чел. до 5,8 тыс. чел. Возрастает также роль отечественных фирм в развитии инноваций. Для стимулирования их деятельности создана сеть различных по типу инновационных парков, бизнес-инкубаторов. В странах осуществляются программы ЕС по развитию исследований и разработок в бизнес-секторе. В Польше уже в середине 1990-х гг. действовало 4 технологических центра, 26 инкубаторов. Несмотря на это, государственный бюджет остается главным источником финансирования исследований и разработок в этих странах. В Польше, Словакии, Венгрии государство финансирует более 50% НИОКР, в Болгарии, Литве, Кипре - более 60%. Мала также доля высокотехнологичных фирм в хозяйстве стран региона. Так, если средняя доля высокотехнологичных фирм по ЕС составляет 40%, то в Болгарии, Латвии, Румынии, она, например, не превышает 20%. Стимулирование НИОКР в предпринимательском секторе - первоочередная задача правительств стран Восточной Европы. Но для этого необходимо развитие государственного сектора НИОКР. Лишь там, где существует сеть сильных государственных научно-исследовательских институтов, лабораторий, а также университетов и др. высших учебных заведений, возможно процветание высокотехнологичного сектора. Смогут ли страны Восточной Европы интегрироваться в глобальную инновационную систему будет во многом зависеть от проводимой в них научно-технологической политики.

Библиографический список

Статистические справочники

1. Statistisches Jahrbuch 2008. Fur die BRD. Wiesbaden 2008.
2. Statistisches Jahrbuch 2006. Fur die BRD. Wiesbaden 2006.
3. Statistisches Jahrbuch 2006. Fur das Ausland. Wiesbaden 2006.
4. Forschungs-und Entwicklungsmonitor Baden-Wurttemberg. Statistisches Amt Baden-Wurttemberg. Stuttgart 2006.
5. UNESCO statistical yearbook. Paris. 1999.

Научно-популярные издания:

6. Buckard Eberlein. Abschied von Unitarismus? Regionale Innovationspolitik und „Technopole“ in Frankreich. Opladen, 1997.
7. Braczuk H.J., Cooke P. Regional Innovation System. NY, 1998.
8. Cooke, P. and K. Morgan The Associational Economy. Firms, Regions, and Innovations. Oxford 1998.
9. Freedman J. Die Welt ist flach. NY., 2006.
10. Hirschman A. Die Strategie der Wirtschaftlichen Entwicklung. Stuttgart 1967.
11. Koschatzky K., Kulicke M., Wissenschaft und Wirtschaft im regionalen Grundungskontext. Stuttgart, 2002.
12. Lundvall B. National Systems of Innovation Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London. 1992.
13. Ленчук Е.Б., Симановский С.И., Стрепетова М.П. Научно-техническое развитие постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы. Проблемы и перспективы. М., 1998.

14. Porter M. Wettbewerbsstrategie: Methoden zur Analyse von Branchen und Konkurrenten. Frankfurt a. M. 1999.
15. Saxenian, A. Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Cambridge/Massachusetts. 1994
- Газеты и журналы:
16. Stuttgarter Zeitung 2006-2009 гг.
17. Autio, E. Evaluation of RTD in regional systems of innovation. В: European Planning Studies, No. 2, стр. 131-40 1998.
18. Gluckler J .„Service-Offshoring“: globale Arbeitsteilung und regionale Entwicklungschancen. В: Geographische Rundschau № 9 2008 стр. 36-42.
19. Hilpert M. Regionaldarwinismus- Evolution von High-Tech-Regionen. Zeitschrift fur Wirtschaftstsgographie N 2, 2001.
20. Romer P. Endogenous Technological Change. В: The Journal of Political Economy № 98 1990.
21. Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Grows. В: Qurterlz Journal of Economics № 70 1956.
22. Strambach S. Wissensokonomie, organisatorischer Wandel und wissensbasierte Regionalentwicklung. В журнале: Zeitschrift fur Wirtschaftsgeographie, № 1 2004.

Электронные ресурсы:

23. Департамент статистики ЕС: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>
24. Статистика по Иль-де-Франсу : www.cordis.europa.eu/ile-de-france/regional.htm

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

И.И. Пирожник, Г.З. Озем (г. Минск)
А.В. Шадраков, А.Н. Шавель (г. Минск)
С.А. Хрушев (г. Санкт-Петербург)
К.А. Морачевская (г. Санкт-Петербург)

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Pirozhnik I.I., Ozem G.Z., Shadrakov A.V.,
Shavel A.N., Hrushev S.A., Morachevskaya K.A.

ECONOMIC-GEOGRAPHICAL FACTORS OF TRANSBORDER COOPERATION BETWEEN BELARUS AND RUSSIA

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования по сравнительной оценке социально-экономического развития приграничных районов России и Беларуси и влиянию на него приграничного положения. Выявляются ключевые процессы и тенденции в демографическом развитии, системе расселения, экономических параметрах изучаемой территории. Рассматриваются факторы, сдерживающие развитие приграничных связей, выделенные на основе экспертного интервьюирования представителей административных кругов и опросов местного населения.

Abstract. The precise estimation of the development of the social-economical rates was elaborated for the border regions of Russia-Belarus common border territories and the influence of their specific frontier disposition to this development. The mainstream tendencies of demographical situation, population settlement pattern and economical rates were revealed. The limiting factors of the development influenced by the frontier disposition of the border Russian-Belorussian territories were considered the key points of a research and were examined precisely based on the results of interviews and questionnaires.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, трансграничное сотрудничество, социально-экономическое развитие приграничных районов.

Keywords: Russia, Belarus, cross-border cooperation, socio-economic development of border areas.

За последние годы значение и роль приграничных территорий в условиях глобализации и развития региональной интеграции значительно увеличились. После распада СССР для новых независимых государств многократно выросли внешнеэкономические связи и взаимодействие с приграничными территориями соседних государств единые ранее территориально-хозяйственные комплексы оказались по разные стороны государственных границ, отрезанными от сырьевых и топливных баз, рынков сбыта готовой продукции научно-инновационных центров. Развитие приграничных контактов в различных сферах соци-

ально-экономической и гуманитарной деятельности является неотъемлемой частью внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь и Российской Федерации в контексте развития Союзного государства. Трансграничное сотрудничество представляется как одно из условий углубления экономической интеграции и формирования реально интегрированного социально-экономического пространства двух стран.

Экономико-географические исследования приграничных территорий в период трансформации политического и экономического уклада постсоветского пространства были направ-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 09-02-00637 е/Б, гранта БРФФИ Г09Р-028

лены на изучение геополитических интересов соседних государств новых границ, их типов и функций, экономического потенциала приграничных регионов, этносоциального и культурного развития населения приграничных ареалов расселения, решение экологических проблем и др. Обособленное изучение приграничных регионов только одной страны показало, что в условиях усиления интеграционных процессов, необходим комплексный анализ сопредельных регионов для решения проблем бесконфликтного устойчивого развития. На основе такого подхода в экономико-географических исследованиях было сформулировано понятие о трансграничных регионах, понимаемых «как комплексная географическая структура, сочетающая ... определенные природные ресурсы, объекты инфраструктуры, расселение населения, а также хозяйственную деятельность в границах крупной геосистемы» [1, с. 5]. По своему генезису, условиям и ресурсам развития, экономическому и культурному потенциалу выделяются различные трансграничные географические структуры и территории: природные (бассейны крупных рек, морей), природно-ресурсные (каменноугольные, нефтегазовые бассейны), экономически-территориально-хозяйственные структуры (приграничные кластеры), этнокультурные (целостные этнокультурные общности единых ареалов расселения), экологические (приграничные особо охраняемые природные территории).

Соединение в рамках новой экономической географии П. Кругмана [3] теории международной торговли теории пространственной локализации позволяет говорить об усилении потенциала регионов с учетом специфики их приграничного положения (эффекты масштаба концентрации и агломерирования) и изменении характера сил взаимодействия от преимущественно центростремительных к центробежным в пространственных укладах «центр – периферия». Введенное в практику региональных исследований понятия географической ренты, с учетом приграничного положения регионов, показывает что, например, геополитическое положение региона, с одной стороны, является фактором, влияющим на динамику экономического развития, а с другой – пространственная локализация детерминирует социально-культурные факторы развития [4]. Категория географической ренты определяется как «премия за географическое положение в определенном геополитическом укладе, учитывающем соседское позитивное или негативное взаимодействие» [4, с.

46]. Исследование динамики экономического развития в зоне контакта приграничных регионов старых (ФРГ, Австрия) и новых членов ЕС (Польша, Венгрия, Чешская Республика, Словакия) за период трансформации (1992-2002 гг.) показало, что положительная географическая рента (более высокие темпы прироста ВВП по сравнению с регионами в глубине страны) проявилась в приграничных регионах Австрии, Словакии и Венгрии, а отрицательная географическая рента отмечается в Польше и Чешской Республике, где темпы развития приграничных регионов были ниже, чем в центральных районах, и, следовательно, они не использовали благоприятного приграничного положения и расширения сферы своего влияния (помимо соседства Чешской Республики с развитым регионом ФРГ – Баварией). При этом наблюдалось уменьшение диспропорций в уровне развития «богатых» и «бедных» регионов [4, с. 136–148]. Однако анализ экономического поведения приграничных сообществ показывает, что они часто остаются изолированными от общих процессов экономической трансформации в силу периферийного положения. Исходя из особенностей регионального социально-экономического развития, периферийность определяется как сильная зависимость региональной экономики от внешних центров принятия решений (в геополитическом и геоэкономическом измерениях, – столичных) и специализация на второстепенных, подчиненных функциях, вследствие чего формируется особый тип хозяйства с недоразвитием верхних этапов производства и непроизводственной сферы [2]. Экономическая периферийность предопределяет политические процессы в регионе, демографическое развитие и характер расселения населения, социально-экономические параметры, определяющие уровень жизни населения.

Белорусско-российское пограничье в составе 6 административных единиц (областей) занимает площадь 249,6 тыс. км², на которой проживают 6849,9 тыс. чел. (2008 г.), производится 31,8 млрд. долл. промышленной продукции (2007 г.), 4,7 млрд. долл. сельскохозяйственной продукции (2007 г.), суммарный внешнеторговый оборот составляет 19,8 млрд. долл. (2007 г.). По площади регион превосходит территорию Республики Беларусь, а его доля относительно площади территории Российской Федерации составляет лишь 1,5%. Доля региона в численности населения составляет около 70% и 5% от численности населения Беларуси и России соответственно. Социально-экономическая масштабность белорус-

Таблица 1

Экономические показатели развития белорусско-российского пограничья

Регионы белорусско- российского пограничья	Объем промышленного производства			Объем сельскохозяйственного производства			Объем внешнеторгового оборота		
	млрд. долл.	доля в национальной экономике, %	доля в региональной экономике, %	млрд. долл.	доля в национальной экономике, %	доля в региональной экономике, %	млрд. долл.	доля в национальной экономике, %	доля в региональной экономике, %
Витебская область	8,1	17,8	27,3	1,3	15,1	24,5	5,3	10,6	26,6
Могилевская область	3,9	8,6	13,1	1,1	12,8	20,8	8,1	16,2	40,7
Гомельская область	9,8	21,6	33,0	1,25	14,5	23,6	2,8	5,6	14,1
Псковская область	1,52	0,2	5,1	0,36	0,005	6,7	0,9	0,0015	4,5
Смоленская область	3,85	0,5	13,0	0,54	0,007	10,2	1,3	0,002	6,6
Брянская область	2,52	0,33	8,5	0,75	0,01	14,2	1,5	0,003	7,5

ско-российского пограничья сопоставима с параметрами развития национальной экономики Республики Беларусь (таблица 1). Однако, отчетливо прослеживается тенденция к снижению доли приграничных с Беларусью российских регионов в территориальной структуре экономики России. Этот факт может порождать различия в национальных интересах регулирования и планирования развития региона как цельного геосистемного образования.

При исследовании развития трансграничного сотрудничества между Россией и Беларусью смысловую актуализацию приобретает исследование диффузии новаций из центров национальных экономик в приграничные регионы. Проведенный авторами в научно-исследовательской работе «Сравнительная оценка влияния приграничного положения на социально-экономическое развитие районов России и Беларуси» анализ факторов и условий развития трансграничного сотрудничества в рамках Союзного государства Беларуси и России, выявленных на основе проведения экспертного интервьюирования специалистов региональных органов управления, указывает на некоторую противоречивость в подходах к трансграничному сотрудничеству. Это объясняется сложностью принятия на региональном уровне существенных управленческих решений (в силу законодательной ограниченности организационно-управленческих возможностей регионов, связанных с трансграничной международной деятельностью, а

также недостаточностью социально-экономического и природно-ресурсного потенциала самих регионов). Так, высокий экспертный рейтинг негативности влияния на развитие трансграничного сотрудничества имеют факторы, связанные с несовершенством организации регионального управления: бюрократизм и административные проблемы регистрации совместных и индивидуальных предприятий (20% экспертов), недостаточное количество полномочий местных органов власти (17,6%). Интересным представляется и господствующее мнение экспертов (анкетирование проводилось на мезоуровне) по оценке роли отдельных управленческих уровней в решении проблем развития трансграничного сотрудничества. Эксперты указали на низкий уровень активности и результативности развития трансграничного сотрудничества на национальном управленческом уровне, отметив большую заинтересованность в решении этих проблем на уровне административных районов и областей. Так, отраслевые министерства и ведомства занимаются развитием сотрудничества на региональном уровне либо недостаточно (12%), либо безрезультативно (34%), Национальное Собрание Республики Беларусь и Федеральное собрание имеют по исследуемым критериям такие же 12% и 34% соответственно. Эксперты указали на низкую активность локальных общественно-культурных объединений в развитии приграничных связей. Так, рейтинг недостаточности участия в решении проблем

трансграничного сотрудничества общественных организаций составляет 26%, а безрезультативность их действий подчеркнули 38% экспертов. Наиболее неблагоприятными факторами (сферами) для развития трансграничного сотрудничества административных районов являются незначительный природно-ресурсный потенциал, отсутствие месторождений полезных ископаемых (данный факт отметили 67% экспертов), отсутствие возможностей и ресурсов для организации природоохранной деятельности (32%) и организации религиозных паломничеств и межконфессионального сотрудничества (40%). Существенно ограничивают развитие трансграничных связей невозможность усиления приграничной торговли (24%) по причине разной покупательской способности национальных валют (22%), а также ограниченность возможностей наращивания экспортного потенциала (22%). Выявленная ситуация определяется как пространственный феномен «дефицита центральности» на региональном уровне. Как показал опыт становления трансграничных регионов в интеграционном процессе в Европе, наибольшие темпы развития и перспективы были характерны для регионов, фокусами развития которых являлись крупные социально-экономические центры (граница Франции и Германии) либо включенные в приграничные пространственные структуры столицы (граница Венгрии, Австрии, Словакии). Эти регионы обладают наибольшим инновационным потенциалом и возможностями продвижения диффузии инноваций на приграничную периферию.

В институциональном отношении наиболее весомой формой развития трансграничных связей выступает создание целевых еврорегионов (Еврорегион «Днепр» (2004) – Гомельская область (Республика Беларусь), Брянская область (РФ), Черниговская область (Украина); Еврорегионы «Псковская область – Эстония», «Псковская область – Латвия» (2002) («Псков – Ливония») без участия белорусской стороны; Еврорегион «Озерный край» (2005) – Витебская область, Латвия, Литва без участия российской стороны). Специфика деятельности еврорегионов вдоль границы со странами ЕС акцентирована на создание и поддержание в приграничных районах буферных экологических зон и территорий и поддержка сопутствующих природоохранной функции видов хозяйственной деятельности преимущественно в сфере туризма и массового отдыха, биологического сельского хозяйства. Создание еврорегиона «Днепр» в белорусско-российском

пограничье направлено на реализацию ряда инвестиционных проектов по созданию транспортно-логистических центров и совместных предприятий, оказание содействия иностранным предприятиям в регионах-участниках.

В структуре экономики географического положения для приграничных районов Беларуси и России определяющее значение имеют приграничность и периферийность. Приграничность может выражаться в характеристиках региона, связанных непосредственно с государственной границей и ее функциями (влияние границы на характер расселения, на миграционную привлекательность территории, на формирование особой территориальной структуры хозяйства, на потоки товаров, услуг, капитала и пр.), а также в специфических свойствах территории, обусловленных приграничным положением («буферная» зона, транзитный регион, особая отраслевая структура хозяйства). В свою очередь, периферийность может проявляться в сложившейся территориальной структуре, в политических процессах, в демографических параметрах населения, а именно обуславливать естественную и механическую убыль, в характере расселения, в низкоконкурентоспособной структуре экономики, невысоком уровне развития третичного сектора и т.д. Именно эти два фактора определяют уровень социально-экономического развития приграничных районов России и Беларуси.

Периферийность Белорусско-Российского трансграничного региона также является следствием исторического развития и оформилась с последней четверти XVIII – начала XIX вв. как результат эволюции границ приграничных административных образований. Регионы современного белорусско-российского пограничья с конца XVIII в. и до 1917 г. входили в состав внутренних губерний Российской империи, центры которых сейчас находятся на белорусской территории (Могилевская и Витебская губернии) и на Украине (Черниговская губерния). В этот период в силу отсутствия приграничного положения начинает проявляться периферийность территории в военной сфере (за счет стратегического и оборонного значения территории), в экономической сфере (посредством ослабления торговых отношений, в транспортных функциях, сужаемых до обслуживания внутригосударственного транзита при снижении международного торгового обмена через территорию). В дальнейшем по причине ускоренного социально-экономического развития столичных Санкт-Петербургского и Московского ареалов концен-

традии экономической жизни Российской империи и СССР, рассматриваемая территория укрепляется на позиции периферийных регионов Центральной и Северо-Западной России.

С распадом Советского Союза районы вновь обрели взаимный приграничный статус, что может означать возобновление функций транзитного канала, западных «ворот» России и восточных Беларуси, фильтра, контактной зоны. Однако в силу периферийности, обуславливающей недостаточный уровень регионального социально-экономического развития, указанные функции не реализуются или не приносят существенного вклада в становление интеграционных связей в рамках Союзного государства Беларуси и России.

В настоящее время приграничные районы белорусско-российского пограничья находятся в условиях двойной периферийности в масштабе экономических районов Российской Федерации (Центрального экономического района для районов Смоленской и Брянской областей и Северо-Западного экономического района для районов Псковской области), национальной экономики Республики Беларусь и в рамках соответствующих областей.

Детальный социально-экономический анализ районов оставим за рамками настоящей статьи, здесь же мы остановимся на выявленных ключевых процессах и тенденциях в демографическом развитии, системе расселения, экономических параметрах изучаемой территории и ряде примеров.

Для системы расселения приграничных районов России и Беларуси выявлено два процесса (при этом слабо выраженных), связанных с границей – по картографическим материалам и уточненные в ходе экспедиционного исследования

- прямое влияние – скопление населенных пунктов в части района, имеющей границу с соседним государством попарное скопление населенных пунктов по обе стороны границы. Это свидетельствует о возможном попадании в зону влияния соседних (через границу) районных центров или о наличии интенсивных приграничных связей между населенными пунктами по обе стороны границы.

- косвенное влияние – с приграничным положением связано развитие транспортной сети территории, прохождение через нее значимых транспортных магистралей, что, как правило, способствует концентрации населения в прирассовой зоне.

Важно было проанализировать плотность населения, особенно сельского, в приграничной полосе районов. Было выявлено два процесса:

- 1) Районы непосредственно граничат с расселенческими центрами, то есть с районами с достаточно высокой плотностью населения, но имеют низкую плотность населения. Это означает, что влияние центров на эти районы распространяется лишь в негативном плане (оттягивают население), при этом население не предпочитает, к примеру, переезжать в эти прицентральные районы в силу, вероятнее всего, невысокого качества жизни в них и плохой социально-экономической ситуации

- 2) Районы являются соседями второго и более порядка с расселенческими центрами. Такие районы в силу территориальной организации населения оказались в периферийном положении

Кроме того, важным компонентом сравнительной оценки российских и белорусских районов стало выделение отличительных черт белорусской системы расселения в пределах приграничной полосы, а именно:

1. В целом приграничная с Россией полоса белорусских районов не является самой густо заселенной частью сельской местности Беларуси.

2. Выделяются, однако, несколько ареалов с плотностью 20–35 чел./км², что выше показателей российских районов (на территории Лиозненского района, граничащего с Руднянским районом; на территории Горецкого района, граничащего с Краснинским районом; на территории Климовичского района, граничащего с Шумячским районом; на территории Добрушского района, граничащего с Климовским районом).

3. На территории Беларуси, прилегающей к Брянской области, выделяются также ареалы без населения (подвергшиеся последствиям аварии на Чернобыльской АЭС).

Существенны различия белорусских и российских районов в демографическом развитии, причем ситуация в белорусских районах по всем параметрам выглядит предпочтительнее. Так, если коэффициент естественной убыли в российских районах составляет от 12 до 20‰, и лишь в трех районах наблюдается более высокое значение (меньшая естественная убыль), то 7 белорусских районов характеризуются показателем до 5‰ (убыль), остальные входят в группу со значениями от 5 до 10‰.

Было рассмотрено также механическое движение населения. Здесь отчетливо проявились различия российских и белорусских приграничных районов. В отличие от российских

районов, где преимущественно коэффициент миграционного прироста отрицателен, в ряде белорусских районов он имеет положительные значения. Горецкий район (граничит с Краснинским районом), Чечерский и Ветковский районы (граничат с Красногорским, Новозыбковскими Злынковским районами) имеют значения коэффициента от 5 до 10. Положительные значения также у Витебского района (граничит с Руднянским, Велижским, Усвяцким районами), Мстиславского района (граничит с Монастырщинскими Хиславичскими районами) и у Добрушского района (граничит с Злынковскими Климовским районами). Таким образом, 10 из 17 приграничных с Белоруссией районов России граничат с белорусскими районами, имеющими миграционный прирост, что является важной характеристикой влияния фактора приграничности на демографическую ситуацию.

Более схожая ситуация по обе стороны границы по половозрастной структуре. Так, если доля населения старше трудоспособного возраста в российских районах достигает значения $>25\%$, то в белорусских – такой же показатель имеют практически все районы, за исключением двух «прицентральных» – Витебского и Полоцкого.

В ходе исследования было выявлено, что экономическое сотрудничество приграничных районов России и Беларуси осуществляется в формах производственного кооперирования, торгового обмена, взаимопомощи (к примеру, в сельском хозяйстве), проявляется в развитии белорусского малого предпринимательства и челночной торговли. Для белорусского присутствия в российских районах существует две основные цели, соответствующие двум формам влияния приграничного положения на социально-экономическое развитие:

1. Российские приграничные районы выступают связующим звеном в отношениях с Москвой или играют роль пробной площадки для выхода на российский рынок. Здесь фактор приграничности в развитии районов определяет их роль как буферной зоны.

2. Российские приграничные районы выступают площадкой для развития бизнеса, так как условия, в том числе налоговые, более мягкие; в российских приграничных районах есть спрос при недостатке предложения в конкретных товарных нишах. В этом случае фактор приграничности в развитии районов проявляется в наличии трансграничных градиентов – организационно-правовых градиентов, гради-

ентов в уровне развития той или иной отрасли промышленности, той или иной отрасли сельского хозяйства и т.п.

Говоря о сельскохозяйственном развитии, приходится констатировать достаточно тривиальный факт: существенно лучшие показатели имеют районы белорусские. Достаточно сказать, что урожайность зерновых превышает российские значения в приграничных районах в среднем в 2 раза, производство молока сильно разнится по районам, но максимальное значение в белорусском районе превосходит минимальное в российском более чем в 4 раза.

Интересные сопоставления были получены в ходе экспедиционного исследования на основе ценового индикатора. Ценовой индикатор отражает средний уровень цен на различные группы товаров, в качестве базовых рассматривались водка, молоко, яйца, масло, сахар, хлеб, макароны, греча. В ходе обследования торговых точек на территории российских и белорусских приграничных районных центров и центров сельских поселений (сельсоветов) были отмечены особенно яркие отличия в ценах на водку (на российской территории она дороже в среднем на 50–60 рублей). Различаются также цены на сахар (на 15 рублей дороже в российских районах), на макароны и крупы (несколько дешевле на российской стороне).

Необходимо также сделать основные выводы относительно развития транспорта в приграничных районах. Отметим, что транспортно-транзитная функция, которой потенциально могли бы обладать районы в силу своего приграничного положения, имеет существенное значение и может приносить дополнительный положительный эффект лишь в Себежском, Невельском, Велижском, Руднянском, Краснинском, вероятно, в Шумячском, Новозыбковском, Злынковском районах и в их попарных белорусских соседях. В остальных приграничных районах транспортная сеть является лишь отражением минимально необходимого транспортного каркаса территории для сообщения с областным центром и другими районными центрами, сельскими населенными пунктами и не имеет дополнительного социально-экономического значения. В ходе экспедиционного исследования значительное внимание было уделено изучению транспортного сообщения через границу. Для анализа возможности развития трансграничных связей нами использован транспортный индикатор. Транспортный индикатор показывает соотношение частот трансграничного и внутрирегионального авто-

бусного сообщения, то есть соотношение количества автобусных рейсов из центра приграничного района через границу и из этого же центра в областной центр. Полученные результаты позволяют констатировать, что некоторые приграничные районы не имеют вообще прямого автобусного сообщения с территорией приграничного района соседнего государства. Частота внутрирегионального сообщения может превышать трансграничное в 15 раз и даже более.

Большую значимость для сравнительного изучения социально-экономического развития территорий российско-белорусского приграничья представляют результаты проведенного в ходе экспедиционного исследования опроса местного населения, которые позволяют судить о частоте трансграничных поездок, их целях, а главное – факторах, препятствующих совершению этих поездок. При первичном анализе анкет можно отметить, что ответы на вопрос «Пересекаете ли вы границу для посещения российских (белорусских) приграничных районов?» распределились приблизительно равно между «да» и «нет». Цели поездок сводятся к посещению родственников (и для российских, и для белорусских районов) и покупкам (для российских районов). В ряде сельских поселений (сельсоветов) выделились экстремальные значения. В Полесском сельсовете Чечерского района наибольшая доля опрошенных (72%) пересекает границу. В Кожуховичском сельском поселении Хиславичского района наименьшая доля опрошенных (33%) пересекает границу. Казалось бы, это можно объяснить экономическими причинами: Полесский сельсовет наиболее развитый из посещенных – в нем наименьшая доля населения с минимальными доходами (12%), наибольшая доля возрастной группы 26–40 лет. В Кожуховичском сельском поселении наблюдается максимальная доля населения с минимальными доходами, более того, большинство воспринимает свой доход оценочной категорией «не хватает денег даже на еду». Но эти поверхностные причины не могут быть названы основными и причины, вероятно, более разнообразны, так как частота поездок в целом крайне невысока (преобладают поездки раз в полгода). Однако, из дальнейшего анализа анкет выявля-

ется основная причина редких поездок населения через границу – отсутствие прямой необходимости. Этот фактор можно назвать **фактором немотивированности**. Он прост по форме, но комплексен по сути. Другой тип факторов – **организационно-административный**. Сюда относятся такие сдерживающие развитие приграничных контактов причины, как необходимость оформлять страховку на транспортное средство, разные денежные единицы, иные административные барьеры. Третью группу факторов составляют инфраструктурные факторы – транспортное сообщение и качество (иногда наличие) автодорог. Четвертая группа факторов – личностные факторы, включающие возраст индивида и его благосостояние.

Таким образом, в результате исследования был закреплен тезис о необходимости проведения детального изучения приграничных районов и проблем и перспектив их развития, связанных с приграничным и периферийным положением, для целей региональной политики в отношении данных территорий. Именно периферийность определяет большинство социально-экономических параметров, даже в тех случаях, когда казалось бы, приграничность могла бы вносить положительный эффект. Приграничность проявляется лишь в особенностях систем расселения некоторых районов (концентрация населения в приграничной полосе), в развитой транспортно-транзитной функции у ряда регионов. Влияние периферийности отражается на низкой плотности населения, низких экономических показателях, уровне жизни и т.д. Однако сочетание институциональной формы трансграничных связей (создание еврорегионов), типологического подхода к планированию социально-экономического развития и рекомендациям по перспективам трансграничных контактов нивелирования на микроуровне сдерживающих, описанных в работе по результатам экспертного интервьюирования и опроса населения факторов трансграничного взаимодействия, позволит повысить уровень социально-экономического развития приграничных районов России и Беларуси и будет способствовать формированию реально интегрированного социально-экономического пространства двух стран.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 5–19.
2. Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
4. Krugman P. Complex Landscapes in Economics Geography // American Economic Review, 1994, t. 84, p. 412–416.
5. Korpaczewska K. Renta geograficzna a rozwój społeczno-gospodarczy. Warszawa: CeDeWu, 2008, 190 s.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Поздравляем!

К 60-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ МИХАЙЛОВИЧА ФЕДОРОВА

16 декабря исполняется 60 лет проректору по науке, заведующему кафедрой экономической географии Российского государственного университета им. И. Канта доктору географических наук, профессору **Геннадию Михайловичу Федорову** – известному российскому ученому-географу, талантливому педагогу, члену редакционного совета журнала «Региональные исследования».

Г. М. Федоров родился в деревне Агафоново Новоржевского района Псковской области.

Выпускник прославленной 45 ф.м.ш. (ныне академическая гимназия при Санкт-Петербургском университете) выбрал для дальнейшего пути географический факультет Ленинградского университета, на котором в то время работали Б.Н. Семевский, С.Б. Лавров, Л.Н. Гумилев и ряд других известных экономико-географов. После окончания в 1972 году Ленинградского университета Геннадий Михайлович Федоров оказывается в только что реорганизованном из пединститута Калининградском государственном университете, где прошел путь от старшего лаборанта до одного из руководителей Калининградского университета (ныне Российский государственный университет имени Иммануила Канта) он отдал 37 лет жизни. В 1970-е гг. благодаря трудам опытного Н.Т. Агафонова и молодого

Г.М. Федорова о кафедре экономической географии самого западного университета СССР узнали далеко за пределами Калининградской области. Геннадий Михайлович Федоров стремительно ворвался в отечественную экономико-географическую элиту, защитив в 27 лет кандидатскую и в 38 лет докторскую диссертацию. В 32 года он возглавил кафедру экономической географии (и возглавляет до настоящего времени), в 40 стал проректором, а в 44 ректором одного из ведущих университетов Европейской России. В 39 лет Геннадий Михайлович получил звание профессора. Немного в российской географии найдется примеров столь раннего успеха и признания.

Автор более 360 научных трудов, из которых 30 монографий и несколько фундаментальных учебных пособий снискал себе известность не только в общественной географии, но и в других науках. Труды Г.М. Федорова «Геодемографическая обстановка: теоретические и методические основы», «Научные основы концепции геодемографической обстановки» по праву относятся к классике отечественной общественно-географической мысли.

Более 40 работ Геннадия Михайловича опубликовано за рубежом. Г.М. Федоров не ограничивается фундаментальными научными публи-

кациями. Его перу принадлежит и несколько ярких научно-популярных изданий о Калининградской области, которые являются образцом подобных книг об отдельных регионах.

В отечественной общественной географии с именем Геннадия Михайловича Федорова связывают, прежде всего, разработку концепции геодемографической ситуации и теоретических основ геодемографии. Можно твердо сказать, что его усилиями была создана уникальная научная школа в самом западном регионе России. В силу своей исключительной эрудиции, пылливости ума, высокой работоспособности Геннадий Михайлович внес вклад также и в развитие ряда других направлений общественных наук. Его работы по региональной экономике и геополитике, стратегическому планированию и региональной политике известны далеко за пределами Калининградской области. За большие достижения в развитие отечественной науки Г.М. Федорову в 1997 году Указом Президента Российской Федерации было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Являясь ярко выраженным пассионарием, Геннадий Михайлович Федоров был у истоков многих начинаний. Недавно и с его «легкой руки» и при самом активном участии вышел в свет первый номер нового журнала - «Балтийский регион», который, безусловно, войдет в число наиболее авторитетных периодических изданий региональной направленности.

Федоров Г.М. – член Совета по стратегическому планированию и Научно-технического Совета при Губернаторе Калининградской области, член Общественной палаты Калининградской области по экспертизе проектов законодательных документов

Он руководит многочисленными научными проектами, в том числе международными, грантами РФФИ и РГНФ, проектами в рамках Федеральных целевых программ развития образования, развития Калининградской области. Кроме того, Геннадий Михайлович принимает самое активное участие в работе двух специализированных Диссертационных советов при РГУ им И.Канта и Диссертационного совета при Санкт-Петербургском государственном университете, секции экономической географии УМО по географии классических университетов Русского географического общества...

Трудно даже представить, как Геннадий Михайловичу удается успешно совмещать педагогическую, научную, организационную деятельность.

Высокий профессионализм, неутомимая творческая энергия, чувство ответственности, отзывчивость, энтузиазм, талант организатора снискали ему непререкаемый авторитет и уважение среди коллег

Друзья и коллеги поздравляют Геннадия Михайловича Федорова с юбилеем, желают ему новых творческих достижений, талантливых учеников-последователей, крепкого здоровья, увлекательных путешествий и удачи

Редколлегия

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» В 2009 ГОДУ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№

Гладкий Ю.Н. Теоретическая география: кризис или «бифуркация» идей?	1
Гладкий Ю.Н. Методы и познавательные средства в гуманитарной географии	2
Войнов Д.А. Неравномерность и комбинированность формирования территориальных структур хозяйства и населения регионов западнее развивающегося	4–5
Землянский Д.Ю. Бизнес-среда как новая форма самоорганизации экономики городов	3
Земцов С.П. Инновационная зона как территориальная модель модернизации экономики России	4–5
Ковалев Ю.П. Факторы развития кластерных инициатив в туристской сфере	4–5
Мавринчук Д.Н. Информационно-геополитическое противостояние США и России во время грузино-югоосетинского конфликта	6
Скалон А.В. Малый город: SWOT-анализ проблемного поля	6
Шабалина С.А., Краснов Е.В. Пространственный анализ туристско-рекреационной сферы	6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аксенов К.Э. Пространственно-временные закономерности электральных перегруппировки систем в Санкт-Петербурге в 1989–2004 гг.	3
Баринев С., Гриценко А., Самсонова А. Образ Украины и особенности местной идентичности населения российско-украинского пограничья	3
Благовествова Т.Е., Школьников А.С. Качество населения региона: методика оценки	3
Грибовский Е.Э. Экологические проблемы Калининградской области, обусловленные территориальной структурой природопользования	3
Гуменюк И.С. Транспортный комплекс Калининградской области: состояние и перспективы	6
Казьмин М.А. Развитие водных мелиораций в сельском хозяйстве России	2
Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние	4–5
Корсак О.И. Трансформация территориальной структуры хозяйства как фактор регионального развития Смоленской области	4–5
Кочуров Б.И., Лобковский В.А., Смирнов А.Я. Россия как система высокоэффективного сбалансированного природопользования в условиях финансового кризиса	6
Кузнецова О.В. Федеральная региональная политика в России: современное состояние и перспективы	1
Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Псковский регион в свете административно-территориальных реформ XVIII–XX вв.: историко-географический анализ	2
Преображенский Ю.В. Развитие инфраструктуры северо-запада России в свете теории длинных волн	3
Скатерщиков С.В., Чистобаев А.И. Территориальное планирование Тверской области: мероприятия и пути их реализации	2
Скатерщиков С.В., Чистобаев А.И. Территориальное планирование Брянской области: особенности, стратегия, решения	1
Соловьёв И.А. Региональные особенности современных миграционных процессов на юге России	4–5
Часовский В.И. Территориально-отраслевые изменения в промышленном производстве России	2

РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ МИР

№

Валев Э.Б. Проблемы развития и взаимодействия приморских территорий в Европе.....	1
Капранов А. Изучение расселения иммигрантов в крупнейших городских агломерациях зарубежной Европы на примере Парижской агломерации.....	3
Ковалев Ю.Ю. Инновационные регионы Европы.....	6
Крестинина Л.В. Механизмы государственного регулирования развития туризма в свете подготовки и проведения в Украине финальной части чемпионата Европы 2012 года по футболу.....	1
Кротков А.И. Сравнительный анализ современного состояния и перспектив развития фарминдустрии Индии и Китая	1
Пилецкий И.В. Проблемы сельскохозяйственного использования культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского поозерья	6
Пименова Р.А. Роль этнических факторов в «левом повороте» стран Латинской Америки	1
Попов И.В. Виды и степень интенсивности терроризма в Европейском Союзе	1
Савоскул М.С. Особенности адаптации российских немцев в Вестфалии	4-5
Самбура Е.Н., Слук Н.А., Сюэ Лин. КНР на пути к «урбанистической революции»	2
Часовский В.И. Территориально-отраслевые изменения в промышленном производстве Украины	4-5

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Мазин Н.В. Крупнейшие ареалы чёрной металлургии мира: иерархия и факторы размещения	2
Потоцкая Т.И. Региональные особенности функционирования международного ювелирного выставочного движения	3
Потоцкая Т.И., Самусенко Д.Н. Общие и региональные особенности функционирования крупного бизнеса	4-5
Часовский В.И. Региональные структурные изменения в промышленности стран СНГ в начале XXI века	3
Пирожник И.И., Озем Г.З., Шадратов А.В., Шавель А.Н.	
Хрущев С.А., Морачевская К.А. Экономико-географические факторы трансграничного сотрудничества Беларуси и России.....	6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Агирречу А.А. Анатолий Тимофеевич Хрущев (к 90-летию со дня рождения)	4-5
Лучников А.С. Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий: конференция в Пермском университете.....	2
Худякова Т.М., Пономарева З.В., Волкова И.С., Крутских О.А. Территориальная организация общества и управление в регионах	4-5

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-летию А.И. Алексеева	4-5
К 60-летию Г.М. Федорова	6

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гуменюк Иван Сергеевич – аспирант кафедры социально-экономической географии и геополитики РГУ им. И. Канта. E-mail: IvaGum85@mail.ru

Ковалев Юрий Юрьвич – кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета
E-mail: ykowaljaw@pochta.ru

Шабалина Светлана Александровна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры физической и экономической географии факультета географии и экологии Казанского государственного университета. E-mail: sshabali@ksu.ru

Краснов Евгений Васильевич – доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры геоэкологии факультета географии и геоэкологии Российского государственного университета имени Иммануила Канта. E-mail: ecogeography@rambler.ru

Мавринчук Д.Н. – аспирант МГУ, кафедра географии мирового хозяйства
E-mail: ko41234@mail.ru

Пирожник Иван Иванович – доктор географических наук, профессор Белорусский государственный университет, декан географического факультета, заведующий кафедрой экономической географии зарубежных стран. E-mail: boss@viapol.info

Озем Геннадий Зенонович – старший преподаватель кафедры экономической географии Беларуси и государств Содружества, Белорусский государственный университет
E-mail: koordinatorium@mail.ru

Шадраков Алексей Васильевич – аспирант географического факультета, Белорусский государственный университет. E-mail: alshadrakov@yandex.ru

Шавель Алексей Николаевич – ассистент кафедры экономической географии Беларуси и государств Содружества, Белорусский государственный университет
E-mail: alexshavel@gmail.com

Хрущев Сергей Андреевич – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: shr60@mail.ru

Морачевская Кира Алексеевна – инженер факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: kira.morachevskaya@geo.pu.ru

Пилецкий Иван Васильевич – кандидат технических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. E-mail: pilecki@vsu.by

Кочуров Б.И. – доктор географических наук, профессор, Институт географии РАН

